

Пятая книга цикла «Разрушь меня».

ОДОЛЕЙ МЕНЯ

ТАХИРА МАФИ

Разрушь меня

Тахира Мафи

Одолей меня

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Мафи Т.

Одолей меня / Т. Мафи — «Издательство АСТ»,
2018 — (Разрушь меня)

ISBN 978-5-17-109260-3

Джульетта Феррарс больше не та, кем всегда себя считала. Ее собственный мир оказывается слишком хрупким. Ей не удалось повергнуть Оздоровление. Не удалось полностью обрести контроль над своими способностями. К тому же она выясняет, что ее настоящие родители – те, кто стоял у истоков Оздоровления. И вновь перед Джульеттой выбор: стать оружием в чужих руках – или воином. Но на этот раз она не одна. Сражаться рядом с ней будут ее верные друзья и возлюбленный Уорнер. Бонус! Читайте также «Укрой меня» – рассказ, написанный от лица Кенджи и повествующий о подготовке к симпозиуму и случившейся на нем трагедии.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-109260-3

© Мафи Т., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Укрой меня	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	36
Одолей меня	37
Кенджи	37
Уорнер	39
Кенджи	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Тахира Мафи Одолей меня

Серия «Разрушенный мир»

Tahereh Mafi
SHADOW ME

DEFY ME

Перевод с английского *Е. Бушиновой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House и Synopsis.

© Tahereh Mafi, 2019

© Школа перевода В. Баканова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Укрой меня

Глава 1

Звенит будильник, но я уже проснулся, лежу с закрытыми глазами. Сил никаких. Дает о себе знать позавчерашняя тренировка: мышцы болят при малейшем движении, тело будто налито свинцом. Ядовитым.

Голова раскалывается.

Будильник трезвонит и трезвонит. Да ну его! Разминаю мышцы шеи и слышу собственный стон. Будильник все не замолкает. Стену рядом с моей головой сотрясает удар, и Адам приглушенно орет, чтобы я заткнул чертов будильник.

– Каждое утро! – кричит он. – Каждое утро! Ей-богу, Кенджи, я его разобью!

– Ладно, – бурчу себе под нос. – Ладно. Успокойся.

– *Выключи его!*

Я резко и шумно вдыхаю. Вслепую хлопаю по будильнику, пока тот не замолкает. Мы на базе, наконец-то получили по комнате, однако я так и не нашел тишины. Или уединения. Стены здесь тонкие, как бумага, да и Адам не изменился ни на йоту. Такой же мрачный. Ни капли юмора. Всегда раздраженный. Порой не понимаю, как мы вообще могли подружиться.

Я медленно, через силу, принимаю сидячее положение. Тру глаза, прокручивая в уме список дел на сегодня, и вдруг с ужасом...

Вспоминаю, что произошло вчера.

Черт!

Столько драмы, и все в один день! Нет, лучше по порядку.

Похоже, у Джульетты есть сестра-потеряшка. Кажется, Уорнер ее пытал. Джульетта разругалась с Уорнером и с криком убежала. Уорнера свалил приступ панической атаки. Заявилась его бывшая. Дала ему пощечину. Джульетта напилась. Нет, не так – Джей напилась и обкорнала волосы. Потом я увидел Джульетту в нижнем белье – никак не могу выкинуть из головы эту картинку – и, будто этого мало: поздним вечером, после ужина, я совершил кое-что очень, очень глупое.

Сжимаю голову ладонями и, вспоминая, ненавижу себя. Мне так стыдно, даже больно! Делаю еще один глубокий вдох. Заставляю себя поднять голову. Прогнать мысли.

Еще не конец.

У меня есть комната – маленькая, но своя, с окном и видом на промышленную электроподстанцию. В комнате – стол. Кровать. Туалет. Ванная комната – на этаже, на несколько человек, что меня совсем не напрягает. Ведь собственная комната – роскошь, которой никогда прежде у меня не было. Здорово, что есть место, где в конце дня ты можешь побыть наедине с мыслями. И какой бы ни был дерьмовый день, я цепляю на лицо маску счастья.

Я благодарен.

Я завален работой, измучен стрессом, но я благодарен.

Я произношу вслух: *Я благодарен!* Жду несколько секунд, чтобы это прочувствовать. Осознать. Заставляю себя улыбнуться, сбросить с лица напряжение, иначе оно превращается в гримасу гнева. Быстро-быстро шепчу «спасибо» – в воздух, в небо, призракам, незримо присутствующим, пока я говорю сам с собой. У меня есть крыша над головой, одежда, еда каждое утро. У меня есть друзья – они для меня как семья. Я один, но больше не одинок. Тело в порядке, голова работает. Я жив. Жизнь хороша. Я постоянно твержу себе: быть счастливым каждый день. Если бы я не делал так, боль убила бы меня давным-давно.

Я благодарен.

Кто-то стучит в дверь – громко, два раза. Испуганный, я вскакиваю. Стук – слишком официально, большинство из нас не заморачивается правилами этикета. Натягиваю штаны и нерешительно открываю дверь.

Уорнер.

Ошеломленно разглядываю его с головы до пят. Не уверен, что прежде он вот так взял бы и появился у моей двери, и не могу понять, что меня удивляет больше: то, что он здесь, или то, что он выглядит так нормально. Ну, нормально для Уорнера. Он выглядит в точности как всегда. Блестяще. Безупречно. Чересчур спокоен и собран для человека, который накануне расстался с любимой. Вот уж не подумаешь, что именно этого парня я нашел лежащим на полу в приступе панической атаки.

– Кх-кх! – Я кашлем прогоняю остатки сна. – Что случилось?

– Проснулся? – Уорнер смотрит на меня так, будто перед ним не более чем насекомое.

– В шесть, как и положено. Все в этом крыле просыпаются в шесть утра. Что не так?

Он заглядывает в комнату и какое-то время молчит. Потом спокойно говорит:

– Кишимото, если бы я подходил к себе с обычной меркой, как к простому, заурядному человеку, то никогда бы ничего не добился. – Смотрит мне в глаза. – Тебе следует ужесточить требования к себе. У тебя определенно есть способности.

– Э? – Я ошеломленно моргаю. – Ты меня хвалишь, что ли?

Он с невозмутимым видом продолжает в упор глядеть на меня.

– Оденся!

Приподнимаю брови.

– Зовешь позавтракать?

– У нас три неожиданных гостя. Только что прибыли.

– Ох! – невольно отступаю я. – Вот дерьмо!

– Да.

– Еще дети Верховных главнокомандующих?

Уорнер кивает.

– Они опасны? – спрашиваю я.

Уорнер вроде улыбается, однако вид у него несчастный.

– Были бы они здесь, будь иначе?

– Верно, – вздыхаю я. – Точняк.

– Встретимся внизу через пять минут. Введу тебя в курс дела.

– Что, пять минут? – Моему возмущению нет предела. – Не-е, так не пойдет! Мне надо принять душ. Я даже не завтракал!

– Если б ты встал в три, тебе хватило бы времени на все и еще осталось бы.

– Три утра?! – У меня нет слов. – Ты в своем уме?

И когда Уорнер, без всякого намека на шутку, бросает: «Не задерживайся!», мне становится очевидно – парню реально хреново.

Я тяжело вздыхаю и отворачиваюсь. Ненавижу себя за то, что замечаю такие вещи, что мне постоянно до всего есть дело. И это никак не исправить. Еще в детстве Касл раскрыл мне глаза: он сказал, я чересчур жалостливый. Просто взял и объяснил мне, а я всегда ненавидел себя за то, что я слабак. Ненавидел себя, когда горько плакал, увидев в первый раз мертвую птицу. Или за то, что всегда тащил домой бездомных животных; пока Касл в конце концов не приказал мне остановиться, у нас просто не хватило бы средств их содержать. Мне было двенадцать лет. Он заставил всех выпустить, я рыдал неделю. Ненавидел себя за слезы. Ненавидел, что не могу ничего с собой поделаться. Любой на моем месте решил бы: «Забей! Оно тебе надо?» Только не я. Мне надо. Мне всегда надо.

Вот и сейчас мне надо позарез.

Поэтому вздыхаю и говорю:

– Эй, старина... Ты как?

– Прекрасно, – мне в ответ. Быстро и холодно.

Ну вот – получай.

Посмотри лучше на Уорнера. Последуй его примеру. Успокойся и сделай вид, что не замечаешь его воспаленных и натертых докрасна глаз, его вспухших над челюстью желваков. Тебе и своих проблем хватает, у тебя и так полно боли и разочарований, при этом никто даже не поинтересуется, как прошел твой день. Никто не подойдет, не глянет заботливо в лицо, не задумается о том, что ты прячешь под улыбкой. Так почему ты должен переживать о ком-то?

Не должен.

Не лезь к нему, велю я себе.

Хочу сменить тему и открываю рот. Открываю рот, чтобы так и сделать, а говорю:

– Да ладно, брат! Мы оба знаем, что дело дрянь!

Уорнер отводит взгляд. Желваки на его скулах так и заиграли.

– Вчера у тебя был трудный день, – продолжаю я. – У тебя есть полное право и на хреновое утро.

Он долго молчит, потом:

– Я так и не ложился.

Ого, не ожидал.

– Прости. Я понимаю.

Он поднимает голову. Смотрит мне прямо в глаза.

– Ты?

– Да, я!

– Не думаю, что понимаешь. Вообще-то надеюсь, что нет. Я не хочу, чтобы ты знал, каково мне сейчас. Такого и врагу не пожелаешь.

Его слова очень сильно меня задевают. Не знаю что и сказать.

Самое лучшее – уставиться в пол.

– Ты видел ее? – спрашиваю я.

Его тихое «нет» я едва расслышал.

Черт! Мое сердце разрывается от боли за него.

– Не бери в голову, – произносит Уорнер.

Его глаза подозрительно блестят.

– Э-э? Что? Я не...

– Одевайся! – приказывает он. – Жду тебя внизу.

Я, вздрогнув, моргаю.

– Так точно! Иду!

И он исчезает.

Глава 2

Я с минуту стою в дверях, приглаживаю волосы, заставляю себя сдвинуться с места. Сильно болит голова. Я как магнит притягиваю боль. Чужую боль. Она становится моей. Кроме себя, и винить-то некого. Задаюсь вопросом: «А оно мне надо?» – влезаю, куда не просят, и лишь огребаю по полной.

Поворачиваю голову – как больно!

Вот в чем мы с Уорнером точно похожи: оба любим выпустить пар в тренажерном зале. В прошлый раз я переусердствовал с нагрузкой и не сделал в конце тренировки растяжку – теперь расплачиваюсь. Руки поднимаются с трудом.

Набираю побольше воздуха в легкие, выгибаю спину. Растягиваю мышцы шеи. Разминаю плечи.

Слышу – кто-то со свистом пронесется по залу. Лили. Она нарочито подмигивает – достала уже. Мне действительно льстит внимание, я не настолько скромн, чтобы отрицать, что у меня красивое тело, но к Лили я равнодушен. А она каждое утро подтрунивает надо мной за то, что хожу без футболки. Она и Иан. Вместе. Эти двое встречаются втихаря почти два месяца.

– Неплохо выглядишь! – подкалывает Иан. – Это пот или масло для младенцев? Ты так блестяшь.

Тоже мне шутник.

– Трусы цвета фуксии тебе идут, – не отстает от него Лили. – Хороший выбор. Они прекрасно сочетаются с цветом твоей кожи.

Бросаю на нее недоверчивый взгляд. Я, может, и без футболки, но уж точно – смотрю вниз – в тренировочных брюках. Мои трусы абсолютно не видны.

– Как ты можешь знать, какого они цвета?

– А фотографическая память? – Она постукивает себя по виску.

– Лил, рентгеновского зрения у тебя нет.

– Ты носишь фиолетовые трусы? – В зал проникают голос Уинстона и слабый запах крепкого кофе. – Прикольно.

– Да пошли вы все! – не выдерживаю я.

– Эй! Полегче! Тебе запрещено ругаться! – Уинстон грохочет ботинками по бетонному полу, подходит и сквозь смех замечает: – Я думал, у вас с Каслом уговор.

– Вот и неправда! – возражаю. – Мы с Каслом договорились, что «дерьмо» не под запретом.

Уинстон приподнимает брови.

– Во всяком случае, сейчас Касла здесь нет, – бормочу я. – Поэтому повторяю: пошли вы все.

Уинстон смеется, Иан качает головой, а Лили прикидывается оскорбленной, как вдруг...

– А я здесь! И все слышал! – доносится голос Касла из его кабинета.

Вот засада.

Раньше, когда я был подростком, я ругался похуже, и Касл жутко расстраивался. Он твердил, что беспокоится за меня, что я не умею выражать эмоции без гнева. Он хотел, чтобы я говорил спокойно, подбирал точные слова для своих чувств, а не чертыхался. Касл так переживал, что я согласился обуздать язык. Обещание я дал четыре года назад, о чем уже сто раз пожалел, хоть и уважаю Касла безмерно.

– Кенджи! – Снова Касл.

Знаю – ждет извинений.

Я смотрю через зал и вижу открытую дверь его кабинета. Даже в новых условиях мы живем в тесноте. Уорнер основательно переделал весь этаж, потратил уйму времени и средств, я не жалуясь, однако...

Спокойствия нет.

Вторжение в личное пространство бесит!

– Виноват! – кричу я в ответ.

Слышу вздох Касла аж из другого конца зала.

– Трогательная сцена раскаяния, – язвит Уинстон.

– Пока! Спектакль окончен, – отмахиваюсь. – Я в душ.

– Тебе не помешает, – опять подкалывает меня Иан.

Устало качаю головой.

– И как я вас, придурков, терплю?

Иан смеется.

– Слушай, может, поборемся? – Я не отвечаю. Он продолжает: – Серьезно. Ты в отличной форме. Давай как-нибудь разомнемся в спортзале. Мне нужен партнер для спарринга.

Я слегка успокаиваюсь, киваю и бормочу «до свидания». Направляюсь в свою комнату, чтобы захватить принадлежности для душа, Уинстон увязывается за мной, останавливается в дверях. Только сейчас я замечаю у него в руках бумажный стакан с крышкой.

– Кофе? – догадываюсь я.

– Не дам! – Уинстон, расстроенный, отодвигается от двери.

– Поделись!

– Что? Нет!

Я смотрю на него в упор.

– Почему ты не можешь сам пойти и взять? – Он поправляет на носу очки. – Это всего лишь мой второй стакан. А мне, ты знаешь, необходимо три, чтобы проснуться хотя бы наполовину.

– Пойми. Мне нужно быть внизу через пять минут, или Уорнер убьет меня, а я еще не завтракал и уже так устал, и я по-настоящему...

– Хорошо. – Лицо Уинстона мрачнеет, когда он протягивает мне кофе. – Ты чудовище.

Я беру стакан.

– Я чудовищно обаятелен.

Уинстон бормочет сквозь зубы что-то нецензурное.

– Эй, кстати. – Я делаю глоток кофе. – Сказал уже, а?

Уинстон моментально краснеет. Отводит взгляд.

– Нет.

Я поднимаю свободную руку.

– Эй... я не настаиваю, нет. Просто интересуюсь.

– Я пока жду подходящего момента, – отвечает он.

– Круто. Конечно. Просто радуюсь за тебя, вот и все.

Уинстон глядит на меня, легкая улыбка кривит ему губы.

Он давно влюблен в Брендана, и об этом знаю я один. Уинстон и не рассчитывал заинтересовать его, так как всем известно, что Брендан встречается только с девушками. Впрочем, несколько месяцев назад у него была короткая связь с неким типом из «Пойнта», вот тогда Уинстон со мной и поделился. Просил никому не говорить, сказал, что хочет сам признаться Брендану в подходящий момент, и с тех пор собирается с духом, чтобы намекнуть ему. Беда в том, что Уинстон считает себя староватым для Брендана, и боится, что если тот его отвергнет, то их дружбе конец. Потому и ждет. Подходящего момента.

Я хлопаю его по плечу.

– Рад за тебя, брат.

Уинстон издает нервный, хриплый смешок.

– Было бы чему радоваться. – Потом встряхивает головой, будто прочищает мозги. – Полюбому – наслаждайся кофе. Пойду возьму себе другой.

Я салютую ему стаканом с кофе, одновременно благодаря и прощаясь, а когда отворачиваюсь, чтобы собрать вещи для душа, улыбка соскальзывает с моего лица. Мне в очередной раз напомнили о моем одиночестве.

В два быстрых больших глотка я приговариваю кофе и выбрасываю стакан. Незаметно пробираюсь в душевую, включаю воду. Делаю все машинально. Раздеться. Намылиться. Ополоснуться.

На миг я застываю, смотрю, как набирается в ладони вода. Вздыхаю и прижимаюсь лбом к холодному гладкому кафелю, горячая вода барабанит по спине. Мышцы расслабляются, я испытываю чувство облегчения, тепло и пар уносят напряжение из тела. Я наслаждаюсь душем, волшебство горячей воды окутывает меня, но мысли немилосердно кружатся в голове, клюют разум и сердце, будто стервятники.

Я счастлив, что у меня есть друзья. Люблю их, хотя они и засранцы. Я забочусь о них. Хочу их радовать. Только одно чувство мне не дает покоя: у каждого из них кто-то есть.

У каждого, кроме меня.

От зависти схожу с ума. Хочу забить на все. Мне бы, как Уорнер, стать неприступным как скала, или хотя бы взять пример с Адама, который нашел свое счастье в заботе о младшем брате, – но нет. Я – огромное кровоточащее сердце. Я теряю дни, заставляя себя не обращать внимания на свои желания. На то, что мне позарез нужно.

Может, звучит дико, но я знаю – я мог бы кого-нибудь полюбить. Чувствую это всем сердцем. Способность любить. Быть романтичным и влюбленным. Как будто это моя суперсила. Дар, точно.

А рассказать-то и некому.

Все считают меня шутком.

Я растираю ладонями лицо, крепко зажмуриваюсь и вспоминаю вчерашний разговор с Назирой.

Она сама ко мне подошла. Я вновь и вновь напоминаю себе.

Я к ней не подходил, ни разу. Даже не пытался с ней заговорить после того, как тогда, на пляже, она ясно дала понять, что вот ни капельки мной не интересуется. С другой стороны, у меня, похоже, не было никакой возможности после того поговорить с ней; после того, как весь мир обезумел. Подстрелили Джей, и все пошло наперекосяк, потом это дерьмо, в которое вляпались Уорнер и Джульетта, и вот – что имеем, то имеем.

Кроме того, прошлым вечером я с трудом пытался уложить в голове тот факт, что наша Верховная главнокомандующая приняла на грудь полпинты отменного виски, оставшегося от Андерсона, когда ко мне подошла Назира. Из темноты. Сразу после ужина – черт, ведь ее не было на ужине – и вот она возникла точно привидение, загнала меня в угол, едва я вышел из столовой. Буквально вжала меня в угол и спросила: правда ли, что я умею становиться невидимым.

Выглядела она как сумасшедшая. Я растерялся. Не понимал, откуда она узнала и почему ее это волнует, а она стояла прямо передо мной, требовала ответа, и я решил, что от моего признания хуже не будет.

Поэтому я сказал ей, что это правда. Она вдруг рассердилась.

– Почему? – спросил я.

– Что почему? – сверкнула она глазами.

Кожанный капюшон на голове затенял ее лицо, под нижней губой поблескивал пирсинг-алмазик, отражая свет ближайшей люстры. Я смотрел не отрываясь на ее рот. У нее слегка раскрылись губы. Пухлые. Мягкие.

Я с трудом отвел от них взгляд.

– Что?

Назира прищурилась.

– О чем ты говоришь?

– Я подумал... Извини, о чем мы?

Она отвернулась, однако я успел заметить на ее лице выражение недоверия. Или возмущения. А потом, быстрее молнии, она повернулась ко мне.

– Ты что, все время прикидываешься немым? Или ты всегда разговариваешь как пьяный?

Я застыл. Боль и смущение вихрем закружились у меня в голове. Боль – от оскорбления, смущение от...

Вот дела, что происходит-то?

– Что? – возмутился я. – Я не разговариваю как пьяный.

– Ты пялишься на меня как пьяный.

Черт, она такая хорошенькая.

– Я не пьяный, – уточнил я. Глупо. Я тряхнул головой и напомнил себе, что следует рассердиться – в конце концов, она ведь меня оскорбила, – и сказал: – П-любому, ты сама подошла ко мне, ясно? Этот разговор затеяла ты. Я не знаю, что тебя взбесило... Черт, я совсем не понимаю, почему ты так переживаешь. Не моя вина, что я могу быть невидимым. Так получилось.

А потом Назира скинула капюшон, и ее темные волосы, тяжелые и шелковистые, рассыпались по плечам. Она что-то произнесла, что я совершенно не услышал, мой мозг вскипел от непосильной задачи: должен ли я сказать ей, что вижу ее волосы? Понимает ли она, что я могу их видеть? Разрешает ли она мне на них смотреть? Рассердится она или нет, если скажу, что я их вижу? Притом на всякий случай я и не собирался смотреть на ее волосы, однако не хотел ей говорить, что их вижу, потому что боялся – она опять их спрячет, а я, если честно, от всей души любовался ими.

Назира щелкнула пальцами перед моим лицом.

– Что? – моргнул я, а потом, понимая, что сегодня перестарался с этим словом, добавил: – М-м?

– Ты меня не слушаешь.

– Я вижу твои волосы, – решил я сказать.

Назира возмущенно вздохнула. Она определенно раздражена.

– Я не всегда закрываю волосы.

Я потряс головой.

– Я не знал.

– Я не могу, даже если бы хотела. Это незаконно, понимаешь?

Я хмурюсь.

– Тогда почему ты покрываешь голову? Что за ерунда?

Она скрестила руки на груди. Волосы у нее – длинные. Темные. Глаза – глубокие, цвета майского меда. Они ярко блестели на смуглом лице. Назира была пугающе красива.

– Я знаю многих женщин, которых лишили права так одеваться, когда к власти пришло Оздоровление. В Азии раньше жило много мусульман, ты знал? – Ответа она не ждала. – Я была вынуждена молча смотреть, как мой отец отдает приказы раздевать женщин. Солдаты гонялись за ними по улицам и срывали с них одежду. Рвали платки с их голов, позорили. Это было жестоко и бесчеловечно, и всему этому я свидетель. Мне исполнилось только одиннадцать лет, – прошептала Назира. – Я возненавидела отца за то, что он сделал. Я ненавидела его за то, что заставлял меня смотреть. Поэтому я, как могу, стараюсь отдать дань уважения этим женщинам. Для меня это символ протеста.

– А-а.

Назира вздохнула. Она выглядела расстроенной, а потом вдруг усмехнулась. Невесело как-то, скорее горестно, но я подумал, что это уже прогресс.

– Я только что рассказала тебе кое-что очень важное для меня, и все, что ты можешь сказать, – «а-а»?

Я подумал. Потом, с осторожностью:

– Нет.

Она внезапно улыбнулась, почему – непонятно. Закатила глаза, но лицо ее просветлело, и она как-то сразу стала выглядеть моложе и симпатичнее, и я не мог отвести от нее взгляд. Я не понял, что сделал такого, чтобы заслужить ее улыбку. Возможно, и не заслужил. Просто она смеялась надо мной.

Все равно.

– Я, м-м, думаю, это реально круто, – проговорил я, – надо же было что-нибудь выдать по поводу важности того, что она мне рассказала.

– Ты думаешь, это круто? – удивилась Назира.

– Ты знаешь. – Я кивнул, указывая на ее волосы. – То, что делаешь. Твоя история. Ты знаешь.

Вот теперь она расхохоталась по-настоящему. Громко. Прерывая смех, закусила губу и покачала головой. Мягко сказала:

– Ты расстроился, да? Тебе совсем плохо от этого.

Я моргнул. Не понял ее вопроса.

– Тебе ужасно не нравится со мной разговаривать, – пояснила она. – Я заставляю тебя нервничать.

Я побледнел.

– Да. Нет. Я не то хотел сказать...

– Наверное, я была немного жестока с тобой, – вздохнула Назира. Отвела взгляд. Опять закусила губу. – Мне показалось – в первую нашу встречу, – показалось, что ты будешь вести себя как засранец. – Она посмотрела мне прямо в глаза. – Ну, думала, ты со мной заигрываешь. Чтобы подцепить меня. Поиграть и бросить.

– Что? – Моему удивлению не было предела. – Я? Никогда!

– Да, теперь, кажется, я понимаю, – ответила она мягко. – Большинство знакомых мне парней, в том числе мой брат, самые настоящие придурки, без стыда и совести, и я не ожидала, что ты такой... порядочный.

Я только охнул. Не знал, считать ли это комплиментом.

– Э-э, спасибо?

Она снова рассмеялась.

– Предлагаю начать все сначала, – протянула она руку. – Я – Назира. Приятно познакомиться.

Я осторожно взял ее руку. Задержал дыхание. Мягкая, нежная – по сравнению с моей мозолистой ладонью.

– Привет. Я – Кенджи.

Она улыбнулась. Счастливой, искренней улыбкой. Я почувствовал, что эта улыбка меня доконает. Вообще я был абсолютно уверен, что вся ситуация меня точно доконает.

– Замечательное имя, – сказала она, пожав мне руку. – Ты японец, да?

Я кивнул.

– По-японски говоришь?

Я качнул головой.

– А-а. Сложный язык. Красивый, но сложный. Я учила японский несколько лет, – объяснила она, – но очень трудно выучить в совершенстве. Овладела только на элементарном уровне.

Я на самом деле месяц жила в Японии – ну, что раньше было Японией. Вообще-то у меня был длительный тур по перекроенному азиатскому континенту.

Назира еще что-то спрашивала, однако я внезапно оглох. И потерял голову. Она рассказывала мне о родине моих родителей – о стране, которая по идее должна что-то для меня значить, – а я совершенно не мог сосредоточиться. Она касалась своего рта. Обводила пальцем нижнюю губу. Постукивала по алмазу под нижней губой; уверен, что машинально. Смотреть на ее рот, в то время как она разговаривала со мной, обращалась ко мне – одно удовольствие. Я не мог оторваться. Мне хотелось ее поцеловать. Мне много чего хотелось. Прижать к стене. Медленно раздеть. Погладить ее обнаженное тело.

И внезапно...

Ледяной душ.

Неожиданно ее улыбка гаснет. Нежным, встревоженным голосом она спрашивает:

– Эй, ты в порядке?

Не в порядке.

Назира была очень близко. Слишком близко, мое тело недвусмысленно отреагировало, и я не знаю, как остыть. Отключиться.

– Кенджи?

А потом она коснулась моей руки. Она коснулась моей руки; кажется, ее это удивило, она уставилась на свою руку на моем бицепсе, а я замер, стараясь не дрогнуть ни единым мускулом, в то время как ее пальцы касались моей кожи, и от наслаждения, волной прокатившегося по телу, я моментально опьянел.

Она отдернула руку и отвела взгляд. Снова посмотрела на меня.

Явно смутилась.

– Вот дерьмо, – тихо сказал я. – Кажется, я в тебя влюбился.

Тут меня будто молния ударила в голову. Грозовым раскатом вбила меня в собственную шкуру. Мне показалось, я умер. Действительно умер, от стыда. Я хотел. Я хотел провалиться сквозь землю. Испариться. Исчезнуть.

Черт, я почти так и сделал.

Я не мог поверить, что произнес эти слова вслух. Не мог поверить, что мой язык предал меня.

Назира, смущенная и ошеломленная, уставилась на меня, а потом как-то – не иначе каким-то чудом – я ухитрился очнуться.

Я рассмеялся.

Расхохотался. И сказал, вполне себе равнодушно:

– Я пошутил. Понятно? Я просто валюсь с ног. Пока. Доброй ночи.

Я смог спокойно – не бегом – вернуться в свою комнату и сохранить остатки достоинства. Наверное.

Кто ж знает, что будет потом.

Вот опять встречу с ней, возможно очень скоро, и пусть скажет: планировать мне прямой перелет к Солнцу или как.

Черт!

Выключаю воду. Не вытираюсь. Потом глубоко вдыхаю и от ненависти к себе встаю под ледяной душ на десять долгих секунд.

Сработало. Голова – пустая. Сердце – холодное.

Я возвращаюсь из душа.

Тащусь через зал, заставляю колени сгибаться, двигаюсь как инвалид. Гляжу на часы, висящие на стене, и беззвучно чертыхаюсь. Опоздал. Уорнер меня убьет. Мне бы еще часок

на растяжку – мышцы все еще зажаты, даже горячий душ не помог, – однако времени у меня нет. Я с досадой понимаю: Уорнер прав. Еще час-другой утром был бы кстати.

Тяжко вздыхаю и возвращаюсь в комнату.

Натянув тренировочные брюки, набрасываю на плечи полотенце: надевать сейчас футболку – пытка. Надо будет стащить одну из рубашек Уинстона: проще пуговицы застегнуть-рассстегнуть, чем напяливать на себя свитер. Вдруг слышу чей-то голос. В недоумении оглядываюсь и тут же забываю где нахожусь, и в кого-то врезаюсь.

В кого-то?

Мысли вылетают у меня из головы, все. Кроме двух.

Я пропал.

Я – идиот.

– Ты мокрый. – Назира, сморщив нос, отскакивает назад. – А почему ты?..

Наблюдаю за ней: она осматривает меня сверху вниз. Осматривает снизу вверх. Медленно, будто сканирует мое тело. Я наблюдаю: она прокашливается, старательно отводит взгляд.

Надежда расцветает у меня в груди. Побуждает меня заговорить.

– Эй, – начинаю я.

– Эй, – кивает она, скрещивая руки. – Доброе утро.

– Тебе что-то нужно?

– Мне? Нет.

Я прячу улыбку. Так странно видеть ее взволнованной.

– А что ты здесь делаешь?

Она, скосив глаза, рассматривает что-то за моей спиной.

– Ты... м-м... ты всегда ходишь без футболки?

Я удивлен.

– Э-э, здесь? Ага. Почти все время.

Она снова кивает.

– Я запомню.

Я молчу. Она наконец смотрит мне в глаза.

– Я ищу Касла, – тихо говорит.

– Его кабинет дальше, – указываю ей рукой, – но, скорее всего, он сейчас внизу.

– О, спасибо, – отвечает Назира.

Она смотрит на меня не отрываясь. Она смотрит на меня не отрываясь, и это заставляет все в груди сжаться. Я, почти не осознавая, делаю шаг вперед. Интересы ради. Не знаю, что она думает. Не знаю, испорчу ли все, как прошлым вечером. Но почему-то, прямо сейчас...

Она тарашится на мои губы.

Ее взгляд поднимается, встречается с моим, потом она опять смотрит на мои губы. Вот интересно, понимает ли она, что делает? Интересно, понимает ли она, что делает со мной? Мне нечем дышать. Сердце стучит часто-часто.

Когда взгляд Назиры снова встречается с моим, она судорожно вдыхает. Мы так близки, что я ощущаю ее дыхание на своей коже, меня переполняет жгучее желание поцеловать ее. Я хочу заключить ее в объятия и поцеловать, и сейчас, мне кажется, она позволит. Меня бросает в дрожь, кружится голова. Мысли скачут туда-сюда. Я ужасно четко вижу картинку – она в моих объятиях, ее глаза глубоки как омут, затуманены желанием. Я представляю себе: вот она подо мной, ее ногти впиваются в мои плечи, она стонет...

Вот черт!

Заставляю себя отвернуться. Едва не даю себе пощечину.

Я не пацан. Я уже не тот пятнадцатилетний юнец, который на себе брюки не может удержать. Нет.

– Мне, э-э, надо одеться, – говорю и слышу, как дрожит мой голос. – Встретимся внизу. Однако Назира опять касается меня рукой, мое тело деревенеет, будто я стараюсь внутри себя что-то сдержать. Дикое. Желание, какого я прежде не ведал. Я повторяю себе раз за разом все, что сказала мне Джей – я совсем не знаю эту девушку. Что-то будет. Я не знаю – что, не знаю – зачем, но совершенно точно – я влюблен по уши. Я совсем ее не знаю.

Это ненормально.

– Эй, – произносит она.

Я еще держусь.

– А?

Я тяжело дышу. Заставляю себя отодвинуться, встречаю ее взгляд.

– Я хотела тебе сказать. Вчера. Но не получилось.

– Ладно, – хмурюсь я. Ее голос дрожит, как от страха, моя голова моментально проясняется. – Говори.

– Не здесь. Не сейчас.

– Что-то не так? – пугаюсь я. – Что с тобой?

– О... нет... да... со мной все хорошо. Только... – Она в нерешительности замолкает. Слегка улыбается и пожимает плечами. – Просто кое-что хотела тебе сказать. Так, ничего важного. – Она смотрит в сторону, закусывает губу. Я замечаю, что она закусывает нижнюю губу очень сильно. – Ладно, полагаю, для меня важное.

– Назира. – Я с удовольствием перекатываю во рту звуки ее имени. Она смотрит на меня. – Ты меня пугаешь. Ты уверена, что не можешь сказать мне прямо сейчас?

Она кивает. Напряженно улыбается.

– Не надо пугаться. Я обещаю, ничего страшного. Может, поговорим сегодня вечером.

Мое сердце опять сжимается.

– Конечно.

Она кивает еще раз. Мы прощаемся.

Я лишь на секунду отвернулся, а она уже пропала.

Исчезла.

Глава 3

Уорнер взбешен.

Я сильно опоздал, и он ждет меня внизу, в конференц-зале, сидит на жестком стуле, словно кол проглотил, и пялится на стену.

По дороге вниз я ухватил кекс и теперь быстро вытираю рот, чтобы уничтожить все улики. Я не знаю, как Уорнер относится к кексам, однако чувствую – не очень.

– Эй? – говорю я запыхавшись. – Что я пропустил?

– Это моя ошибка. – Он обводит рукой комнату, даже не смотрит на меня.

– Твоя ошибка, понятно, я уяснил, – быстро соглашаюсь я, – так, чтобы уточнить... а о чем мы говорим?

– Об этой... – Он наконец смотрит на меня. – Об этой ситуации.

Я жду.

– Моя ошибка... – повторяет он и делает театральную паузу, – думать, что я могу положить на тебя.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза.

– Хорошо, хорошо, успокойся. Я уже здесь.

– Ты опоздал на целых полчаса.

– Ну, брат.

Вид у него внезапно становится усталым.

– Дети Верховных главнокомандующих Африки и Южной Америки уже здесь. Ждут в соседней комнате.

– Да? А в чем дело? – удивляюсь я. – Что от меня-то нужно?

– От тебя нужно твое присутствие, – резко отвечает он. – Не знаю наверняка, зачем они приехали, но, судя по всему, надвигается война. Подозреваю, они здесь, чтобы шпионить за нами и докладывать своим родителям. Те прислали их сюда, вроде как они – мои товарищи. В память о прошлой дружбе. Наверное, думают, что нам, молодым, с ровесниками будет проще. В любом случае, по-моему, нам лучше предстать единым фронтом.

– А Джей?

Уорнер поднимает взгляд. Кажется, будто его стукнули, и в его глазах мелькает что-то похожее на боль. Я только моргнул, а он опять как статуя.

– Нет, – говорит. – Еще не видел ее. И в наших интересах, чтобы они пока о ней не знали. – Он замолкает. – А где Касл? Он тоже здесь нужен.

Пожимаю плечами.

– Я думал, он уже спустился.

– Я видел его секунду назад. Пойду за ним.

– Заметано. – Я падаю в кресло.

Уорнер подходит к двери и, поколебавшись, останавливается. Медленно оборачивается ко мне.

– Ты снова потерпел неудачу.

– Что? – Я удивленно тарашусь на него.

– В любви. Ты снова потерпел неудачу на любовном фронте. Из-за этого опоздал?

Я чувствую, как кровь отливает от лица.

– Какого черта, как ты узнал?

– От тебя разит. – Он кивает на меня. – Ты просто испускаешь запах страдания покинутого любовника.

Я в изумлении пялюсь на него. Даже не знаю, стоит ли отрицать.

– Назира, да? – уточняет Уорнер.

Взгляд у него невинный, никакого осуждения.

Заставляю себя кивнуть.

– Она отвечает взаимностью?

– Откуда, черт побери, я могу знать? – Я зло смотрю на него.

Уорнер улыбается. За все утро – его первая человеческая эмоция.

– Подозревал, что она может тебя выпотрошить. Хотя, признаюсь, думал, что она воспользуется ножом.

– Ха! – Мне совсем не смешно.

– Будь осторожен, Кишимото. Считаю необходимым предупредить тебя, что она смертоносна, ее так воспитали. Я бы ее избегал.

– Здорово. – Я в отчаянии обхватываю голову руками. – Чувствую себя просто замечательно. Спасибо за поддержку.

– Тебе следует также знать: она что-то скрывает.

– Что? – Я поднимаю голову.

– Точно не скажу, но чувствую: она что-то скрывает. Пока не знаю что. Просто советую тебе поступать осмотрительно.

Внезапно я чувствую себя больным, меня охватывает паника. Я вспоминаю намеки Назиры. Что же она хотела мне сказать прошлым вечером? Что она может сказать сегодня?

И тут меня озарило.

– погоди, – хмурюсь я. – Совет перед свиданием?

Уорнер наклоняет голову. Снова мелькает улыбка.

– Услуга за услугу.

Удивленно смеюсь.

– Спасибо, старина. Благодарю.

Он кивает.

Потом изящным жестом открывает дверь и закрывает ее за собой. Уорнер двигается как принц. И одет как принц: начищенная до блеска обувь, безукоризненный костюм и в тон ему рубашка.

Я вздыхаю, во мне растет раздражение.

Завидую ли я? Да, черт побери, я завидую.

Уорнер всегда предельно собран. Он всегда холоден и спокоен. У него ясная голова. Он не лезет за словом в карман. Спорю, у него никогда никаких проблем с девушками; не то что у меня. Ему не стоит никакого труда, ч...

Ух ты!

Я – болван!

Не понимаю, как я мог забыть, что буквально вчера его бросила девушка. Я тому свидетель. Я видел, что было потом. Уорнер в приступе панической атаки рыдал на полу.

Тяжело вздыхаю и обеими руками ерошу себе волосы.

Уорнеру тоже не везет в отношениях, как и мне. Это и утешает, и огорчает. Выходит, с Назирой у меня – никаких шансов.

Как же ненавижу всех и вся!

Ждать мне Уорнера и Касла еще минуты две, и я вытаскиваю из кармана кекс. Нервно ем, отрываю огромные куски и не глядя бросаю в рот.

Когда вошел Касл, я чуть не подавился кексом, просипел ему коротко: «Привет». Касл нахмурился, явно осуждая мое поведение, что я предпочел не заметить. Машу рукой и пытаюсь проглотить остатки кекса. На глаза наворачиваются слезы.

Заходит Уорнер, закрывает дверь.

– Почему тебе непременно надо есть как свинья? – хамит он мне.

Я хмурюсь, пытаюсь возразить, он жестом руки меня останавливает.

– Не смей ничего мне говорить с набитым ртом!

Я, давась, проглатываю остатки кекса. Прокашливаюсь.

– Знаешь что? Достали уже твои шуточки на мой счет. Нечестно.

Уорнер пытается возразить, я его обрываю.

– Нет. Я не ем как свинья. Просто я всегда хочу есть. Поживи-ка пару лет, голодая до смерти, вот тогда сто раз подумаешь, прежде чем насмехаться над моей манерой есть, ясно, засранец?

Поразительно, как быстро и неуловимо меняется лицо Уорнера. Сжатых челюстей нет как нет, складки между бровями – тоже, только глаза метнули молнию.

Он поворачивается четко на сорок пять градусов от меня. Голос звучит официально.

– Нас ждут в соседней комнате.

– Я принимаю твои извинения, – отвечаю я.

Уорнер опять смотрит на меня. Отворачивается.

Касл и я вслед за ним выходим из комнаты.

Ладно, может, я чего-то и не понимаю, только мне эти ребята не кажутся такими уж страшными. Там близнецы – юноша и девушка, они бегло говорят между собой по-испански. И высокий черный парень с британским акцентом. Хайдера, Назиры и Лены нет, однако все вежливо стараются этого не замечать. На самом деле прибывшие очень даже ничего. Особенно Стефан, сын Верховного главнокомандующего Африки. Он абсолютно хладнокровен; от него, в отличие от других, так и разит силой серийного убийцы. У него на левой руке браслет, нечто серебряное с массивными красными камнями, типа рубинов, и я никак не могу отделаться от чувства, что этот браслет мне знаком. Я смотрю на него не отрываясь, пытаюсь понять, почему у меня такое чувство, как вдруг...

Появляется Джульетта.

По крайней мере, я думаю, что это Джульетта.

Она выглядит абсолютно иначе.

На ней экипировка, в которой я раньше ее не видел, черная с головы до пят, и выглядит хорошо – красивая, как всегда, – только другая. Кажется жестче. Зловеще. Я не ожидал, что мне понравится ее короткая стрижка, – вчера вечером небрежная, неаккуратная, Джульетта, должно быть, с утра ее поправила. Стрижка идеально завершает ее новый облик. Простая ультракороткая стрижка.

Ей идет.

– Доброе утро, – говорит Джульетта, ее голос звучит глухо, я тревожусь.

Она произнесла эти два слова так сурово и так непривычно, что я даже испугался.

– Черт, принцесса, – тихо обращаюсь к ней, – ты ли это?

Джульетта смотрит на меня, – такое ощущение, что сквозь меня, – а жестокое, ледяное выражение ее глаз ранит мое сердце, как никогда ранее.

Не понимаю, что творится с моим другом.

И потом, как будто мало еще дерьма, в дверь врывается Лена, точно ненормальная дебютантка. Наверное, ждала где-то рядом, за кулисами, чтобы эффектно выйти на сцену. Испортить Джульетте игру.

Не сработало.

Я наблюдаю, как Джульетта в первый раз встречается с Леной: так скала встречается с волной. Джульетта непоколебима и высокомерна, я горжусь тем, что она сильна, – хоть и не узнаю ее.

Джей не такая.

Не такая суровая.

Я видел ее яростной – черт, я видел ее безумной, – но никогда бессердечной. Никогда-никогда. Не то чтобы я думал, будто Лена достойна лучшего приема; хрен с ней, с Леной.

А вот Джульетта. Игра на публику совсем не в ее характере, это означает лишь одно: ей очень плохо, гораздо хуже, чем я думал. Хуже, чем могу себе представить. Точно боль ее изуродовала.

Я ведь знаю.

Я ее *знаю*.

Уорнер убил бы меня, если бы догадался о том, что я сейчас чувствую, только это правда: я знаю Джульетту лучше всех. Даже лучше его.

Математика проста: Джей и я знакомы дольше и ближе.

Она и я, чего только мы не пережили вместе! Она – мой самый близкий друг.

Касл тоже мне близок, но он как отец; ни с ним, ни с другими я не общаюсь так, как с Джульеттой. Она особенная. Принимает меня таким, какой я есть. Я же даю ей возможность выплеснуть эмоции; кроме того, мне нравится, как она умеет сопереживать. Она настолько чувствительна, что даже шутка может ее ранить. Вот кто она. Она вся – огромное сердце.

И какую – какую версию Джульетты я вижу сейчас?

Дерьмовую.

Эту версию я не могу принять, потому что уверен: она фальшивая. Что-то идет наперекосьяк.

Возросший гул сердитых голосов разбивает мою задумчивость.

Успеваю заметить, как Лена несет какой-то бред. Валентина, одна из близнецов, поворачивается к ней. Напрягаю слух, чтобы услышать, что она говорит:

– Надо было тогда отрезать тебе уши!

Я резко приподнимаю брови.

Смущенный, шагаю вперед и оглядываю комнату в поисках разгадки, однако повисшее вокруг напряжение заставляет всех замолчать.

– М-м, кх, – откашливаюсь. – Я что-то пропустил?

В ответ – тишина.

Кто-то наконец вызывается объяснить. Лена. Однако я уже понимаю – ей лучше не доверять.

– Валентина любит прикидываться.

Николас, другой близнец, резко, сердито отвечает ей по-испански. Валентина хлопает брата по плечу.

– Ничего. Все нормально, пусть болтает. Лена думает, я люблю прикидываться. – Тут она произносит слово по-испански. – Я вовсе не прикидываюсь. – Еще больше слов на испанском.

Стефан в шоке открывает рот, а Лена лишь закатывает глаза. Не понимаю, что происходит.

Начинаю хмуриться. Как-то странно складывается разговор.

Впрочем, когда я гляжу на Джульетту, то с облегчением осознаю: я не один такой. Джей тоже совершенно не понимает смысл их беседы. И Касл. У меня появляется мысль, что и Уорнер сконфужен, однако он вдруг начинает говорить с Валентиной на беглом испанском.

У меня кружится голова.

– Черт, брат, ты тоже умеешь по-испански? Теперь буду знать.

– Мы все говорим на многих языках, – отвечает мне Николас. Он выглядит немного раздраженным, но я ему благодарен за разъяснение. – Мы должны уметь догов...

Джульетта сердито перебивает его:

– Слушайте, парни, меня не волнуют ваши личные драмы. У меня зверски болит голова и миллион дел на сегодня, предлагаю начать.

Ха!

Наверняка у Джульетты похмелье.

Спору, с ней такое впервые. Не смертельно, конечно, но веселье то еще.

Николас мягко говорит что-то ей в ответ, а затем наклоняет голову в полупоклоне.

Я скрещиваю руки на груди. Не доверяю я ему.

– Что? – Джульетта, смущенная, пристально смотрит на Николаса. – Не понимаю.

Тот улыбается ей. Произносит пару слов по-испански – вот теперь точно над ней насмеяется, – я уже готов его осадить.

Уорнер меня опережает. Что-то ему говорит, я не слышу что, но это рассердило Джульетту еще сильнее.

Ну и утро сегодня!

Николас выдает по-английски: «Мы рады познакомиться с вами», и я окончательно, черт побери, сконфужен; все-таки надо учиться себя сдерживать.

Джульетта отвечает:

– Полагаю, вы все будете присутствовать на сегодняшнем симпозиуме?

Еще один учтивый поклон от Николаса. Куча слов на испанском.

– Это «да», – переводит Уорнер.

И доводит Джульетту до бешенства. Она разворачивается к нему всем телом.

– На каких еще языках ты говоришь? – Ее глаза мечут молнии, и Уорнер так теряется, что у меня сердце сжимается от боли за него.

Все серьезно.

Сегодня им обоим, Уорнеру и Джульетте, фигово. Они старательно прикидываются твердыми, крутыми, собранными, как вдруг – бабах. Стоит Джульетте сказать ему одно только слово, и Уорнер превращается в идиота. Таращится на нее, не в состоянии издать и звука, а она вспыхивает, краснеет до кончиков волос, потому что он смотрит на нее.

О господи!

Вот интересно, Уорнер понимает, как он выглядит сейчас, тупо уставившись на Джульетту и растеряв все слова? И вдруг до меня доходит: я-то сам выгляжу точно так же, когда разговариваю с Назирой.

По телу пробегает невольная дрожь.

Наконец Стефан выводит Уорнера из транса. Прокашливается и заявляет:

– Мы с детства учили много языков. Важно, чтобы главнокомандующие и члены их семей могли между собой общаться.

Джульетта смотрит в пол, пытаясь успокоиться. Когда она поворачивается к Стефану, лицо у нее почти нормальное, только остается пара красных пятен.

– Я думала, что Оздоровление решило избавиться от всех языков, – говорит она, – и что вы общаетесь на едином универсальном языке...

– *Sí*, мадам Верховная, – отвечает Валентина. (Слово «*sí*» я знаю. Оно означает «да». Я не круглый идиот.) – Это правда, – кивает она. – Но сначала нам надо было как-то общаться друг с другом, не так ли?

И вдруг...

Не знаю почему, только ответ Валентины обезоруживает Джульетту. Она снова почти похожа на себя. Ее лицо расслабляется. Глаза – чуть печальные – распаиваются.

– Откуда вы родом? – тихо спрашивает она. Ее голос, такой беззащитный, вселяет в меня надежду – надежду, что настоящая Джей возвращается. – Как назывались ваши страны до того, как мир перекроили?

– Мы родились в Аргентине, – отвечают близнецы.

– Моя семья из Кении, – сообщает Стефан.

– Вы ездили друг к другу в гости? – Джульетта поворачивается, внимательно рассматривает их лица. – Вы посещали другие континенты?

Они кивают.

– Ух ты! Наверное, это здорово.

– Вы тоже должны приехать к нам с визитом, мадам главнокомандующая, – говорит, улыбаясь, Стефан. – Нам очень хочется, чтобы вы у нас побывали. Кроме того, – добавляет он, – вы теперь одна из нас.

Улыбка Джульетты сразу умирает.

Ее лицо застывает. Забрало опускается. Она снова в броне, в броне высокомерия, как и была, когда вошла сюда. Говорит строгим голосом:

– Уорнер, Касл, Кенджи!

– А? – прокашливаюсь я.

– Да, мисс Феррарс? – слышу ответ Касла.

Гляжу на Уорнера, тот не произнес ни слова. Только пристально смотрит на Джей.

– Мне хотелось бы поговорить с вами тремя наедине, пожалуйста.

Я перевожу взгляд с Уорнера на Касла, ожидаю, скажет ли кто-то что-нибудь. Оба молчат.

– Э, да-да, – быстро говорю я. – Без проблем.

Я бросаю Каслу сердитый взгляд, типа, какого черта?

Он быстро выпаливает:

– Разумеется.

Уорнер тарашится на Джей, продолжая молчать.

Я чуть не стукнул его.

Кажется, Джульетта согласна с ходом моих мыслей; по тому, как она гордо шествует на выход, видно: она просто в бешенстве. Я делаю за ней шаг к двери и вдруг чувствую на своем плече руку. Тяжелую руку.

Мы с Уорнером встречаемся взглядами, и – не буду врать – не дай бог увидеть такое еще раз. Глаза у этого парня застывшие. Бледно-зеленые льдинки. Мне стало не по себе.

– Дай мне минутку побыть с ней наедине, – просит он.

Я киваю. Отступаю назад.

– Ага, сколько нужно.

Уорнер исчезает. Слышу, как он зовет Джульетту. Стою дурак дураком, разглядываю открытую дверь и демонстративно не замечаю остальных в комнате. Скрещиваю на груди руки. Откашливаюсь.

– Итак, это правда, – комментирует Стефан.

– Ты о чем? – В удивлении разворачиваюсь к нему.

– Они действительно любят друг друга. – Он головой указывает на открытую дверь. –

Эти двое.

– Ага, – смущенно отвечаю я. – Правда.

– Мы, конечно, слышали об этом, – говорит Николас. – Но интересно увидеть собственными глазами.

– Интересно? – приподнимаю я бровь. – Интересно что?

– Довольно трогательно, – вмешивается Валентина.

Касл подходит ко мне и тихо напоминает:

– Минута прошла.

– Хорошо, – киваю я. – Ладно, ребята, увидимся позже. Если вы, парни, еще не завтракали, можете без зазрения совести стащить с кухни парочку кексов. Они вкусные. Я уже попробовал.

Глава 4

Мы выходим из зала, и я резко торможу, едва не упав. Уорнер и Джульетта ушли недалеко, стоят лицом друг к другу, видно – у них жаркий, серьезный разговор.

– Надо убраться отсюда, – говорю Каслу. – Не будем им мешать.

Касл не реагирует. Пристально смотрит на Уорнера и Джей с напряженным выражением лица, таким я вижу его в первый раз.

Похоже, совсем его не знаю.

После всего, что Уорнер сказал мне вчера, – что Каслу все известно о трудной жизни Джульетты: родители отвергли ее, сбагрили Оздоровлению, ее расценивали только как оружие, и что Касл меня под прикрытием послал, чтобы забрать ее, – я почувствовал себя немного странно. Не паршиво, нет. Просто странно. Этого откровения абсолютно недостаточно, чтобы я мог потерять веру в Касла: мы столько вместе пережили, моя любовь к нему по-прежнему крепка.

Однако ощущение странное.

Будто я выбит из колеи.

Так и подмывает спросить Касла: почему он все держал от меня в секрете? Жажду объяснений. И, по некоторым соображениям, не могу заставить себя их потребовать. По крайней мере, не сейчас. Может, конечно, я боюсь получить ответы на свои вопросы. Боюсь, что узнаю о себе нечто такое.

– Да. – Касл наконец прерывает молчание, звуком своего голоса разгоняет мои мысли. – Наверное, не надо им мешать.

Я перевожу на него взгляд.

– Ты думаешь, им плохо вместе, да?

Касл, удивленный, поворачивается ко мне.

– Наоборот. Удача, что они нашли друг друга в этом жестоком мире. Просто, если они хотят стать счастливыми, им надо исцелиться. Каждому лично.

Он отворачивается, чтобы снова посмотреть на Уорнера и Джульетту.

– Жалею, что между ними еще столько невысказанного. Хочу, чтобы они потрудились над собой, выкинули из своего прошлого ядовитые тайны.

– Нехило!

Касл улыбается.

– Никак иначе.

Крепко обнимает меня за плечи.

– А ты. Вот что мне хочется больше всего – чтобы ты понял сам себя. Ты замечательный, симпатичный юноша, умеешь сострадать другим, ты просто в лепешку разобьешься ради любимого человека.

Изумленный, я отступаю.

– Почему ты это говоришь?

– Мне следовало давно тебе сказать, – вздыхает он. – Я хочу, чтобы ты понял: Назире очень-очень повезло, что в нее влюбился именно ты. Жаль, что ты этого не понимаешь. Да, она красивая, превосходная, но ты...

– Что? Погоди-ка... – Мне стало тошно. – Откуда ты?

– О, – удивляется Касл. – Так это был секрет? Я и не знал. Мои извинения.

Сквозь зубы чертыхаюсь.

Он смеется.

– Должен сказать: если хочешь сохранить свои чувства в тайне, тебе стоит сменить тактику.

– Ты о чем?

Касл пожимает плечами.

– Ну да, ты ж не видишь себя со стороны, когда она рядом. У тебя все на лице написано. Вот такими буквами.

Я со стоном опускаю голову на руки.

А когда наконец я готов ответить и поднимаю лицо, то от увиденного забываю все слова. Уорнер и Джульетта так...

Так страстно, прямо здесь, в холле... По-моему, раньше я не видел, как они целуются. Замираю, смущенный. Надо, видимо, отвернуться – понимаю, что надо. Ну неприлично подглядывать. Однако я загипнотизирован.

Совершенно ясно: между ними сумасшедшая химия.

Мне всегда казалось, что их отношения не имеют будущего. Я не мог понять, как такой бесчувственный парень, как Уорнер, мог понравиться такой чувствительной девушке, как Джульетта: она-то без эмоций не может ни есть, ни спать, ни дышать. А Уорнер, по-моему, сухарь до мозга костей. Меня беспокоило то, что она многое ему доверила, а что получила взамен? Дерьмо? Психопата с кучей пиджаков?

В общем, я боялся, что Джульетта не получит ту любовь, какую она заслуживает.

А вот сейчас, вдруг...

Их отношения приобретают смысл. Все, что Джей мне о нем говорила, приобретает смысл. Не думаю, что уже понимаю Уорнера, но очевидно: она зажигает в нем огонь. Когда он ее обнимает, он выглядит живым. Человечным, каким я раньше его не видел.

Похоже, Уорнер влюбился.

И не просто влюбился, а безнадежно. Когда они отрываются друг от друга, оба словно немного не в себе, Уорнер особенно. Его всего трясет. А когда Джульетта стремительно убегает по коридору, я понимаю: добром это не кончится.

Мое сердце болит. За них обоих.

Вижу, как Уорнер, прижавшись к стене, сползает вниз, ноги совсем его не держат. Оседают на пол и застывают.

– Я с ним поговорю, – бросает мне Касл, его потрясенный вид меня изумляет. – Найди мисс Феррарс. Ее нельзя сейчас оставлять одну.

– Так точно! – выдыхаю я. Потом: – Удачи!

Он только кивает.

Мне приходится долго тарабанить в дверь. Джульетта наконец открывает, бросает: «Не беспокойся!» и собирается уже захлопнуть дверь, когда я задерживаю ее ногой.

– Не беспокоиться о чем? – Я проскальзываю внутрь. – Что происходит?

Джульетта пересекает комнату, уходит от меня как можно дальше.

Я не понимаю. Не понимаю, почему она со мной так. Только я открываю рот, чтобы спросить, как она:

– Ничего! Я ни с кем не хочу разговаривать. Пожалуйста, уходи. Да идите вы все к черту! Мне плевать.

Я вздрагиваю как от боли. Ее слова бьют меня точно камни. Джей разговаривает со мной как с врагом, ерунда какая-то.

– Ты... погоди-ка, ты серьезно вот сейчас?

– Я занята, – рывкает Джульетта, по-прежнему на меня не глядя. – Через час мы с Назирой уходим на симпозиум.

– Что? – Во-первых, когда они с Назирой, черт побери, успели стать лучшими подругами? А во-вторых: – Джей, что происходит? Что с тобой не так?

Она круто разворачивается, ее лицо искажено. Она безмерно возмущена.

– Что со мной не так?! А ты будто не знаешь?!

Сила ее гнева заставляет меня на шаг отступить. Приходится себе напомнить, что эта девушка способна убить меня легким прикосновением, если того пожелает.

– Нет, я, конечно, знаю, что произошло у тебя с Уорнером, да, но я подумал, ну, тогда, когда увидел вас там, в холле, я подумал, да, что...

– Кенджи, он мне лгал! Лгал все время. Во всем. И Касл. И ты тоже...

– Стоп! – Я успел схватить ее за руку, чтобы она опять не отделилась от меня. – погоди! Я тебе не лгал. Не вали это дерьмо на меня. Я ничего такого не делал. Черт! Не понимаю, что и Каслу-то сказать. Не могу поверить, что он и от меня держал все в секрете.

Джульетта вдруг сникает. Ее глаза наполняются слезами. Наконец-то я понял. Она решила, что я тоже ее предал.

– Так ты не в курсе? – шепчет она. – Ты не заодно с Каслом?

– Не-а. Нет. – Я подхожу к ней. – Вообще без понятия, пока Уорнер вчера мне не сказал.

Она смотрит на меня недоверчиво.

Ничем не могу помочь, только закатить глаза.

– Как мне тебе верить? – произносит она безнадежно. – Все мне лгут...

– Да ладно, Джей, – качаю я головой. Не могу поверить, что должен такое говорить. Не могу поверить, что она сомневается во мне, – она раньше так со мной не разговаривала. – Ты меня знаешь. Я не кусок дерьма. Это не в моем духе.

Единственная слезинка пробежала по ее щеке, и зрелище это было одновременно и душе-раздирающее, и утешительное. Вот девушка, которую я знаю. Чью дружбу я ценю. Чья душа нараспашку.

– Клянешься? – шепчет она.

– Эй! – Я протягиваю руку. – Иди сюда, детка.

Она, похоже, еще не совсем мне верит, однако подходит ближе, и я обнимаю ее, крепко-крепко прижимаю к груди. Она такая крошечная. Маленькая птичка с хрупкими косточками. Никогда не подумаешь, что она несокрушима. Что она может одним жестом содрать с тебя шкуру, если захочет. Я чуть сильнее обнимаю ее, тихо и нежно глажу по спине и чувствую, как она успокаивается. Я ощущаю тот момент, когда напряжение покидает ее, когда она обмякает в моих объятиях. Слезы, горячие, ручьем текут по моей груди.

– С тобой все будет хорошо, – шепчу я, – обещаю.

– Врешь.

Улыбаюсь.

– Ладно, вероятность, что я прав, – пятьдесят процентов.

– Кенджи?

– М-м?

– Если я узнаю, что ты мне соврал, клянусь богом, я тебе все кости переломаю.

Я трясусь от неожиданного приступа смеха.

– Э, ага, ладно.

– Я не шучу.

– Угу. – Я глажу ее по голове. Такой пушистой.

– Я так и сделаю.

– Знаю, принцесса. Я знаю.

Мы замираем в уютной тишине, все еще обнимая друг друга. Как же для меня важна эта дружба, как же для меня важна Джульетта...

– Кенджи?

– М-м?

– Они собираются уничтожить Сорок пятый сектор.

– Кто?

– Все.

Известие заставляет меня выпрямить спину. В замешательстве я отступаю.

– Кто все?

– Все другие Верховные главнокомандующие. Мне сказала Назира.

Теперь я понимаю.

Ее внезапную дружбу с Назирой.

Должно быть, это и есть секрет Назире, о котором говорил Уорнер. Значит, она решила предать Оздоровление. Либо всем нам лжет.

Хотя последнее маловероятно.

Может, и глупо на что-то надеяться, но в тот вечер Назира была откровенна со мной, целую речь толкнула: о символе протеста, о дани уважения опозоренным женщинам, о своей ненависти к отцу.

Может, большой секрет Назире как раз в том, что она здесь, чтобы помочь нам? Может, нечего бояться? Может, эта девушка – само совершенство?

Я вдруг усмехаюсь как идиот:

– Так Назира хорошая, а? Она на нашей стороне? Хочет помочь?

– О господи, Кенджи, пожалуйста, сосредоточься...

– Да я ничего. – Поднимаю руки и отступаю. – Просто сказал, что она дьявольски хороша.

Джульетта смотрит на меня как на сумасшедшего и смеется. Слегка шмыгает носом и сбрасывает несколько забытых слезинок.

– Итак, – я продолжаю разговор, – к делу. Подробности? Кто? Когда? Как? И так далее.

– Не знаю. – Джульетта качает головой. – Назира постарается разузнать. Может, на следующей неделе или чуть позже. Дети главнокомандующих присланы, чтобы следить за мной и докладывать своим родителям, но в первую очередь они прибыли на симпозиум, потому что другие главнокомандующие хотят знать, как поведут себя лидеры остальных секторов, увидев меня. Назира думает, эта информация подскажет им дальнейшие действия. Предполагаю, что счет идет на дни!

Меня охватывает паника. «Счет идет на дни» – не то, что я хотел услышать. Я-то надеялся на месяцы. Ну хотя бы недели.

Паршиво.

– О черт!

– Ага. – Джульетта смотрит на меня затравленным взглядом. – Кроме того, что они решили полностью уничтожить Сорок пятый сектор, у них в планах и меня захватить в плен. Оздоровление, вероятно, хочет снова меня забрать. Что бы это ни значило.

– Снова тебя забрать? – хмурюсь я. – Для чего? Для экспериментов? Попыток? Что они задумали?

– Без понятия. – Джульетта вновь качает головой. – У меня нет никаких догадок. Над моей сестрой, без сомнения, все так же издеваются и ставят эксперименты. Уверена на все сто, что забрать меня хотят не для воссоединения семьи, согласен?

– Ох! – Я отворачиваюсь и вздыхаю. – Драма выходит на новый уровень.

– Угу.

– И... что будем делать?

Джульетта изучающе смотрит мне в глаза. Задумчиво хмурится.

– Не знаю, Кенджи. Они собираются всех убить. Боюсь, у меня нет выбора.

– Ты о чем?

– О том. Мне придется нанести удар первой.

Глава 5

Ухожу от Джульетты в каком-то оцепенении. Столько дерьма за такое короткое время – это нечестно. Вот бы где-нибудь во вселенной был модуль защитного отключения: человечество сглупило по-крупному – бац! – автоматика сработала. Выключатель – щелк! И никакой катастрофы.

Класс.

Я вздыхаю, тошно-то как.

Думаю, нам следует все-все хорошенько обдумать сегодня вечером, после симпозиума, после этого дерьмового шоу. К чертям бы его собачьим, однако Джульетта считает, раз мы уже в игре, то обязаны делать вид и вести себя так, точно все в порядке. Встречаются лидеры всех шести сотен секторов, и мы должны вести себя так, будто все нормально. Не понимаю. Ни для кого не секрет, что мы – наш сектор – предали Оздоровление, потому и не понимаю, зачем нам беспокоиться о правилах игры. Но Касл утверждает, что надо следовать порядку, установленному системой. Покидать сейчас корабль – значит оттолкнуть от себя весь континент. Это будет объявление войны.

Честное слово, нелепость ситуации могла бы меня рассмешить, если бы я не считал, что мы все, возможно, погибнем.

Ну и денек!

По дороге в свою комнату я встречаю Соню и Сару, проходя мимо, киваю им. Сара хватает меня за руку и спрашивает:

– Видел Касла?

– Больше часа не можем его найти, – уточняет Соня.

Внезапно от прозвучавшего в их голосах волнения меня пронзает страх, и железная хватка Сары отнюдь не успокаивает. Так на них не похоже; сколько я знаю обеих – они всегда спокойны и невозмутимы, несмотря ни на что.

– Что-то не так? Что-то случилось? Я могу помочь?

Они синхронно качают головами.

– Нам нужно поговорить с Каслом.

– В последний раз я видел его внизу, он разговаривал с Уорнером. Почему бы вам не вызвать его? Он всегда на связи.

– Мы пытались, – отвечает Соня. – Несколько раз.

– Вы можете, по крайней мере, сказать, в чем дело? Так и до инфаркта недалеко.

Сара испуганно спрашивает:

– Ты ощущаешь боль за грудиной?

– Чувствуешь непривычную слабость? – вторит ей Соня.

– Дыхание затруднено?

– Что? Нет, эй, стоп, стоп – я пошутил. Нет у меня никакого сердечного приступа. Просто... ну, я встревожился.

Соня меня не слушает. Она рвется в своей объемной сумке, в которой есть всё на все случаи, и выуживает маленькую склянку. Они с Сарой – близнецы и наши целительницы; они милы и в то же время чрезвычайно серьезны. Они врачи с колоссальным чувством ответственности, и никогда ни одну ранку, ни одну болячку не оставят без внимания. Когда-то, еще в «Омеге пойнт», я как-то обронил, что устал и меня тошнит от подземелья, так эти двое уложили меня в постель и требовали огласить весь список моих симптомов. Когда я наконец смог им объяснить, что пошутил, что так часто говорят, когда все надоело, те заявили, что совсем не смешно. Обижались на меня потом еще целую неделю.

– Возьми. – Соня вкладывает мне в руку синий пузырек. – Ты знаешь, мы с Сарой давно над этим работаем и считаем, что средство готово к полевым испытаниям. Это, – кивает она головой, указывая на пузырек в моей руке, – один из пробной партии, хотя у нас нет никаких сомнений в его эффективности. Вполне можно запускать в производство.

Средство привлекает мое внимание.

С трепетом рассматриваю пузырек. Тяжелый. Стекланный.

– Ух ты! У вас получилось?

Соня и Сара синхронно улыбаются.

Они долго трудились над созданием исцеляющих пилюль. Хотели дать нам в дорогу – на поле битвы – что-то такое, что могло бы помочь нам, когда их нет рядом.

– Джеймс тоже работал с вами?

Соня улыбается еще шире.

– Он помогал.

– А-а. – Я тоже улыбаюсь. – Ну, и как его занятия? Все в порядке?

Обе кивают.

– Да, мы вот-вот его заберем. На дневную тренировку, – говорит Сара. – Он быстро обучается. Тщательно прорабатывает свою мощь.

Я, не замечая этого, вытягиваюсь и выпячиваю грудь как павлин. Не знаю, есть ли у меня такое право, но я горжусь этим малышом.

Я знаю, у него впереди большое будущее.

– Хорошо, благодарю. – Я встряхиваю пузырек. – Непременно возьму с собой, потому что это чудо. И не беспокойтесь. Не будет у меня сердечного приступа. Я серьезно.

– Хорошо, – отвечают обе в унисон.

Я ухмыляюсь.

– Ну так что, скажете, для чего ищете Касла?

Не соглашаются.

– И не скажете, что за срочность такая?

Сара и Соня переглядываются.

Я жду.

Наконец Сара спрашивает:

– Ты помнишь, когда стреляли в Джульетту?

– Три дня назад. – Бросаю на Сару недоверчивый взгляд. – Такое разве забудешь!

В разговор включается Соня:

– Да, но ты не знаешь – и не знает никто, кроме Уорнера и Касла, – что случилось с Джульеттой после. Мы не в состоянии ее излечить.

– Что?! – Я почти кричу. – Как это?

– В пулях был яд, – объясняет Сара. – Он вызывает у нее галлюцинации.

Я в ужасе замираю.

– Мы сутками изучаем свойства этого яда, ищем противоядие, пока безуспешно. Однако обнаружили кое-что... странное. Кое-что очень-очень важное.

После недолгого молчания не выдерживаю.

– И? – Жестом прошу их продолжать.

– Мы хотим все тебе рассказать, честно-честно, – отвечает Соня, – но сначала надо поговорить с Каслом. Он должен узнать первым. – Она колеблется. – Хотя я могу кое-что тебе сказать: то, что мы обнаружили, напрямую связано с татуировками на трупe того, кто напал на Джульетту.

– Парня, которого прикончила Назира, – вспоминаю я. – Она спасла Джульетту.

Они кивают.

Меня снова пронзает страх.

– Хорошо, – стараюсь говорить твердо и беззаботно. Мне совсем не хочется пугать их своими тревогами. – Ладно. Я передам Каслу, чтобы он пришел к вам прямо сейчас. Вы будете в медицинском крыле?

Снова кивают.

Как только я двигаюсь дальше, Сара меня окликает.

Я разворачиваюсь.

– Скажи ему... – Она секунду колеблется, потом решается: – Скажи ему, это касается Двести сорок первого сектора. Нам кажется, это послание. От Нурии.

– Что? – Я, не веря своим ушам, застываю на месте. – Не может быть!

– Да, – говорит Сара. – Мы знаем.

Я перепрыгиваю через ступеньки.

У меня нет времени ждать лифт, кроме того, мои нервы натянуты так, что стоять я просто не могу. Перепрыгиваю через две, через три ступеньки, взлетаю, удерживаюсь рукой за перила.

Вот не ожидал, что день может стать еще более сумасшедшим.

Нурия.

Черт!

Даже не знаю, как Касл отреагирует на ее имя. Он уж давно не слышал о ней. С тех пор... да, после гибели мальчиков. Касл рассказывал мне, что отпустил Нурию, он считал, ей нужно время. Надеялся, что они воссоединятся потом, после того, как она придет в себя. Но восстали сектора, и оказалось почти невозможным найти своих любимых. Первым делом Оздоровление отключило Интернет, и без него мир в одно мгновение стал огромным и пугающим. Все усложнилось. Все почувствовали себя беспомощными. Мне кажется, никто до конца не понимал, как мы зависим от Интернета буквально во всем, вплоть до выключения света. Компьютеры и телефоны изъяли. Уничтожили. Всех хакеров разыскали и публично казнили.

Границы наглухо закрыли.

Потом Оздоровление принялось разъединять семьи. Намеренно. Сначала они заявляли, что делают это ради блага человечества. Называли «новой формой интеграции». Утверждали, что расовые отношения – самое худшее, что только есть, из-за них мы живем изолированно друг от друга, и большие семьи тоже зло – большие семьи Оздоровление относило к династиям, – и эти самые династии только укрепляют однородность среди однородных сообществ. Они заявляли: есть только один способ оздоровить общество – разрушить династии. Они выработали алгоритм, помогающий разнообразить мир, создавая сообщества с определенными соотношениями.

Только недолго Оздоровление притворялось, что печется о благе общества. Вскоре даже одного незначительного нарушения стало достаточно, чтобы тебя забрали из семьи. Опоздал разок-другой на работу, и они отсылают тебя – или, что еще хуже, того, кого ты любишь, – на другой край света. Откуда ты никогда не сможешь найти дорогу обратно.

Так случилось с Бренданом. Его в пятнадцать лет выдернули из семьи и отослали в Сектор 45. Касл нашел его и взял к себе. Лили тоже. Она из места, которое раньше было Гаити. Ей только исполнилось двенадцать, когда ее забрали у родителей. Разместили вместе с огромной группой других перемещенных детей в интернате. Эти хваленые приюты.

В восемь лет я сбежал из одного такого.

Иногда я думаю, что именно поэтому стараюсь опекать Джеймса. Чувствую некое родство с ним. Когда мы были на базе, Адам не рассказывал о своем братишке, который фактически жил в одном из приютов. До тех пор, пока мы не пустились в бег – мы с Джеймсом прятались вместе, а Джульетта с Адамом искали машину, – и я догадался, где мы. Огляделся вокруг и понял, что это за место: для кого.

Для сирот.

По сравнению с другими Джеймсу повезло больше – мало того что у него был живой родственник, так еще этот родственник жил рядом и помог ему устроить личное жилье. Я расспросил Джеймса о его «школе», и его «друзьях», и о Бенни, женщине, которая обязалась приносить ему питание, выделяемое правительством для сирот.

Джеймс обо всем рассказал.

Ночью он спал в своей кровати дома, дни проводил в приюте, вместе с другими такими же детьми. Адам приплачивал Бенни сверху, чтобы она присматривала за Джеймсом. А в конце дня десятилетний Джеймс вновь становился одиноко живущим пацаном.

Вот, наверное, почему я чувствую, что понимаю Адама. Почему я всегда на его стороне, хотя временами он просто чокнутый. Он действительно грубый, несдержанный парень – иногда совсем полный придурок, – но, наверное, тяжело осознавать, что твой маленький братишка живет совершенно один в таком месте, где издеваются над сиротами. Как не сойти с ума от того, что среди ночи твой десятилетний брат с криком и плачем просыпается от приснившегося кошмара, а ты не в силах ему помочь?

Я довольно долго прожил вместе с Адамом и Джеймсом. Кошмары повторялись ночь за ночью. Я видел, как Адам каждую ночь успокаивал брата. Как укачивал его на руках до самого рассвета. Надеюсь, со временем Джеймсу станет лучше, но не уверен, что Адам оправится от ударов, выпавших на его долю. У него явно посттравматическое стрессовое расстройство. Похоже, совсем не спит. Боюсь, он медленно сходит с ума.

Мне иногда приходит мысль...

А как бы я жил с таким грузом каждый день? Остался бы я в здравом уме? Это ведь не просто нестерпимая боль. Это безнадега. Безнадега, которая убивает.

Уж я-то знаю.

Мне в свое время хватило двух часов в приюте, чтобы я понял: взрослым доверять нельзя; и к тому времени, когда Касл нашел меня, девятилетнего беглеца, скрючившегося от холода в тележке для продуктов на обочине дороги, я настолько разуверился в человечестве, что, казалось, меня ничто уже не спасет. Понадобилось немало времени, чтобы Касл сумел полностью завоевать мое доверие. Вначале я все свободное время проводил, отмыкая запертые двери и украдкой роясь в его вещах. В тот день, когда Касл меня застукал, я сидел в его шкафу, рассматривал в альбоме старые фотографии. Я был так уверен, что он отдубасит меня палкой, что чуть не наделал в штаны. От испуга я то становился невидимым, то снова проявлялся. А он, вместо того чтобы наорать на меня, сел рядом и спросил про мою семью; я сказал, что все умерли. Он поинтересовался, как это произошло. Я только качал головой. Не смог рассказать. Не думал, что когда-нибудь смогу.

Касл совсем не рассердился.

Он, кажется, даже не обратил внимания на то, что я рылся в его личных вещах. Просто положил мне альбом на колени и стал рассказывать о своей семье.

До этого дня я никогда не видел, чтобы он плакал.

Глава 6

Когда я наконец нахожу Касла, он не один. И не в себе.

Назира, Хайдер, Уорнер и Касл – все вместе выходят из конференц-зала, и только близнецы выглядят так, будто им все по барабану.

Я пытаюсь отдышаться, все-таки преодолел шесть пролетов лестницы, но голос хриплый, когда я спрашиваю:

– Что случилось? – Киваю Уорнеру и Каслу. – Вы почему такие испуганные?

– Потом, позже, – тихо отвечает Касл.

Он совсем не смотрит на меня.

– Я должен идти, – говорит Уорнер и удаляется. По коридору, все дальше и дальше.

Я смотрю ему вслед.

Касл тоже собирается слинять, я хватаю его за руку.

– Эй! – Пытаюсь поймать его взгляд. – Девушки искали тебя, нужно поговорить. Это серьезно.

– Да, – отвечает напряженно. – Я видел все их сообщения. Уверен, это потерпит. После симпозиума. Мне нужно время, чтобы...

– Нет. – Удерживаю его. – Это очень серьезно.

Наконец Касл, кажется, понимает всю важность того, что я стараюсь до него донести. Его плечи деревенеют. Глаза сужаются.

– Нурия, – говорю я ему.

Вид у Касла становится ошеломленный, как бы в обморок не упал.

– Извините, сэр. За то, что пришлось сообщить. Идите. Сейчас. Девушки ждут в медицинском крыле.

Касл тоже исчезает.

– Нурия – это кто? – Хайдер с любопытством рассматривает меня.

– Его кошка, – отвечаю.

Назира давится от смеха.

– Касл получил срочное сообщение от своей кошки?

– Я и не знал, что у него есть кошка, – с недоумением произносит Хайдер. Он говорит по-английски правильно, однако, в отличие от Назиры, с легким акцентом. – Что-то я не видел животных на базе. Вам, в Сорок пятом секторе, разрешают держать домашних питомцев?

– Не-а. Не беспокойся, это кошка-невидимка.

Назира пытается подавить смех и терпит неудачу. Ее душит кашель. Хайдер, смущенный, смотрит на нее, и я прям вижу тот момент, когда он понимает, что я над ним подшучиваю. И вдруг...

– *Нетар*. – Он сердито смотрит на меня.

– Что ты сказал?

– Он просто сказал, что ты тупица, – объясняет Назира.

– Прикольно!

– *Natha shlon damaghsiz*, – говорит Хайдер своей сестре. – Пошли.

– Подожди, это что – комплимент?

– Не-а. – Назира улыбается во весь рот. – Он просто сказал, что ты идиот.

– Круто. Здорово. С радостью заучу важные слова на арабском.

Хайдер негодуяще трясет головой.

– Никакой это не урок.

Озадаченный, я смотрю на него в упор.

– Слушай, – обращаюсь к Назире, – твой брат что, совсем лишен чувства юмора?

– Он не разбирается в нюансах, – все еще улыбается мне Назира. – Пока не растолкуешь ему что к чему, не поймет.

Я в шутку прижимаю руку к сердцу.

– О, прими мое сожаление. Как же тебе трудно.

Она хохочет, однако тут же закусывает губу, чтобы прервать смех. Потом совершенно серьезно произносит:

– Тебе не понять.

– Вы о чем? – хмурится Хайдер.

– Вот видишь? – говорит она.

Я смеюсь, не отрывая от нее взгляда.

Хайдер в ярости.

Догадываюсь, что мне пора закругляться.

– Ладно, ребята, – вздыхаю. – Лучше я пойду. Симпозиум скоро... – Смотрю на часы. – Черт! Через полчаса. Пока.

Вот это *зрелище*.

В одном помещении шесть сотен командиров и регентов – офицеров в том же звании, что и Уорнер, гул страшный. Люди подходят, занимают свои места, Джульетта на сцене. Мы, группой, чуть позади нее, и врать не буду, мне не по себе. Мы – отличная мишень для какого-нибудь психа с пистолетом. Конечно, мы приняли меры предосторожности – с оружием приходить сюда запрещено, – но все может случиться. Кроме того, мы все согласились, что надо выступить единой сплоченной группой, чтобы усилить впечатление. Девушек оставили на базе, решили, так будет лучше – они будут дольше в безопасности и сумеют в случае чего нас спасти, – Джеймс и Адам, считай, пропали без вести. Касл сказал, Адам не собирается участвовать ни в каких военных действиях. Только если заставят.

Я его понимаю.

В другое время я назвал бы его трусом, но не сейчас. Если б я мог, я бы тоже уклонился. Просто чувствую, что не имею права.

Есть много такого, за что я готов отдать жизнь.

Тем не менее. Джульетта очень даже несокрушима: пока она контролирует свою Энергию, она в безопасности. Все прочие уязвимы – нам остается при первых же признаках опасности бросаться врассыпную. Для борьбы нас слишком мало; рассредоточиться, разбежаться – вот наш шанс на спасение.

Вот такой план.

Чертовски отличный план.

У нас не было ни минуты на обсуждение действий, в последний момент все покатило кувыркком; однако Касл успел дать нам напутствие перед тем, как Джей вышла на сцену. Все, что мы получили. Быстрое: *Удачи и берегите себя*.

Я нервничаю.

Переминаюсь с ноги на ногу, внутри растет тревога, в то время как толпа затихает. Перед нами раскинулось море суровых людей в форме с характерными красно-зелено-синими нашивками, эмблемой Оздоровления. Я знаю, что это люди с костями, внутренностями, кровью – и все же они как роботы. Одновременно вскидывают головы, моргают в унисон, когда Джульетта начинает говорить.

Страшно до ужаса.

Мы, конечно, понимали, что никто за пределами Сектора 45 добровольно не примет Джульетту как нового Верховного главнокомандующего, но жутко видеть это воочию. Ясно, что у них нет уважения к Джульетте, и, как только она начала говорить о любви к простым людям, к людям, работающим до изнеможения, лишенным семьи, я понял: они еле сдерживают гнев.

Конечно, есть причина, по которой многие остаются верными Оздоровлению, – вот оно, доказательство, прямо здесь, перед нами. Этим людям платят больше, плюс привилегии и льготы. Увидев хоть раз, на что готов человек за дополнительную миску риса, не забудешь этого никогда. Оздоровление старается осчастливить избранных. Старается не смешивать с остальными. Они живут свободно в собственных домах с роскошной обстановкой.

Собравшиеся здесь мужчины и женщины презрительно ухмыляются в ответ на речь Джульетты – они не желают принимать ее версию мира. Не желают терять ни свой чин, ни привилегии. Все, о чем говорит Джульетта: о неудачах Оздоровления, о необходимости начать все заново, вернуть людям дома, семьи, право голоса...

Ее речь – угроза для их образа жизни.

А потому меня совершенно не удивляет, что терпение толпы лопается. Чувствую стремительно нарастающее раздражение, и когда кто-то вскакивает на ноги и кричит на Джульетту – высмеивает ее, – понимаю: добром это не кончится. Джульетта пока сдержанна, продолжает говорить, хотя большинство уже орут на нее. Они трясут кулаками и требуют, чтобы она ушла со сцены, требуют изгнать ее за измену, заточить в тюрьму, как минимум за кощунственную речь против Оздоровления, ее голос едва слышен из-за шума.

И тогда Джульетта начинает кричать.

Это плохо. Просто паршиво, мои инстинкты призывают меня к панике, ясно, что в этой бойне только один конец. Я стараюсь сохранить хладнокровие, незаметно оглядываюсь, но когда ловлю взгляд Уорнера, понимаю: он чувствует то же самое.

Мы оба понимаем.

Миссия провалилась.

Надо убираться отсюда ко всем чертям как можно быстрее.

Как вдруг...

– Это засада. Скажи своим. Немедленно уходите.

Что за черт! Я резко оглядываюсь, чуть не падаю. Назира. Я слышу Назиру. Я уверен – голос ее. Только нигде саму ее не вижу.

Я умираю? Наверняка.

– *Кенджи*. Послушайся меня.

Я застываю на месте.

Чувствую тепло ее тела. Чувствую ее губы возле моего уха, кожей чувствую ее легкое дыхание. Я знаю, как это делается. Черт, это изобретение – мое.

– Ты невидима. – Я едва шевелю губами.

Ее волосы щекочут мне шею, когда она наклоняется ближе, и я сдерживаю дрожь. Так странно. Так странно ощущать сразу столько чувств.

Ужас, страх, беспокойство, желание. Я сбит с толку. Ее ладонь на моей руке, когда она говорит:

– Надеюсь, смогу объяснить позже. Но ты уже понял. Сейчас вам надо бежать.

Черт!

Поворачиваюсь налево, к Иану, шепчу:

– Все, брат, ретируемся.

Иан смотрит на меня, его глаза на секунду расширяются, потом он хватается Лили за руку и командует:

– Марш! БЕГОМ!

Грохочет выстрел и... тишина.

Все вокруг вдруг резко затормаживается. Все движения вязнут в тишине, как при замедленном воспроизведении. Я даже могу видеть пулю: как она летит, неотвратимо, мощно, прямо Джульетте в лоб.

И ударяется с глухим чмоканием.

Я едва дышу. Испуг рвется наружу. Развязка наступает быстро, очень быстро, я без понятия, что будет дальше. Надо уносить ноги, надо удирать отсюда ко всем чертям немедленно, но – не знаю почему, я не могу заставить свои ноги двигаться. Не могу заставить себя отвести взгляд.

Никто не может.

Толпа хранит мертвое молчание. Люди таращатся на Джульетту. Похоже, они не поверили слухам. Похоже, решили убедиться лично: семнадцатилетняя девушка действительно смогла убить самого страшного за всю историю деспота, а теперь стоит перед толпой и после неудавшегося покушения сдирает со лба пулю, словно прихлопнутую муху.

Подозреваю, теперь они убедились в правдивости слухов.

А вот Джульетта, кажется, не на шутку рассердилась. Она с удивлением и гневом смотрит на расплюсченную пулю в своей руке. Издали та похожа на помятую монетку. Джульетта с отвращением бросает ее на пол. Звук от встречи металла с камнем звонкий. Изысканный.

И тут началось...

Толпа совсем свихнулась. Все вскакивают с мест, выкрикивая угрозы и ругательства, выхватывают оружие, а у меня в голове: *Откуда, черт побери, они это взяли? Как они это пронесли? Кто нас предал?*

Грохот выстрелов взрывает воздух.

Громко чертыхаясь, бросаюсь к Каслу на защиту – как вдруг слышу. Я слышу прежде, чем вижу. Удивленный вздох. Тяжелый стук. Вибрацию под ногами.

Брендан лежит на земле.

Уинстон всхлипывает. Я отчаянно прорываюсь сквозь строй товарищей, падаю на колени, бегло осматриваю Брендана. Он ранен в плечо. Легко. С ним будет все хорошо.

Бросаю Уинстону пузырек с пилюлями и говорю, чтобы закинул несколько Брендану в рот, говорю, чтобы он зажал рану, убеждаю его, что Брендан поправится, нужно только отнести его к Соне и Саре, как вдруг...

Меня будто громом стукнуло.

Ведь я же знаю эту девушку.

В панике оглядываюсь, кричу:

– Джульетта, НЕТ!

Но у нее уже отказали тормоза.

Глава 7

Она кричит.

Кажется, выкрикивает слова. Да, слова. И она их кричит, кричит яростно, во всю мощь своих легких. И... я не верю глазам – она будто... взрывается, сея вокруг разрушения.

Все происходящее похоже на сон.

Конечно, я знал о силе Джульетты – и знал, что мы не до конца ее исследовали, – однако и представить не мог, что она способна на такое.

Вот такое:

По потолку змеятся трещины. Сильнейшие толчки сотрясают стены и пол, даже зубы. Под ногами все вибрирует. Люди от потрясения застыли на месте, помещение ходит ходуном. Раскачиваются люстры, свет зловеще мигает. Новый толчок, и три массивные люстры отделяются от потолка и при ударе об пол разбиваются вдребезги.

Хрусталь брызжет во все стороны. Воцаряется полумрак, и трудно что-либо разглядеть. Я смотрю на Джульетту, она застыла с открытым ртом в ужасе от вида разрушений. Я понимаю: она уже молчит. Однако не в силах ничего остановить. Выпустила энергию на волю и теперь...

Та не может бесследно исчезнуть.

Дрожь с новой силой раскалывает пол, разрушает стены, сиденья и *людей*.

Глазам своим не верю, пока не вижу кровь. Долю секунды все кажется обманом – искаленные тела с развороченными грудными клетками, подобно раскрытым крыльям бабочки. Все кажется розыгрышем, похожим на дурацкую шутку, на неудачную театральную постановку. Когда же кровь, густая, вязкая, просачивается сквозь одежду и обивку кресел, капает с застывших пальцев, я осознаю: от этого ужаса мы не оправимся никогда.

Джульетта только что одним махом убила шесть сотен человек.

Этот кошмар будет преследовать нас всю жизнь.

Глава 8

Я протискиваюсь сквозь застывшую группу ошеломленных, затаивших дыхание друзей. Слышу непрерывное хныканье Уинстона и спокойные, ободряющие слова Брендана о том, что рана не так страшна, как выглядит, что с ним все будет в порядке, что бывало и хуже, и он выжил...

А моя первоочередная задача – быть рядом с Джульеттой.

Добираюсь до нее, обнимаю, она не замечает; это напоминает мне тот момент, когда я нашел ее, стоящую над Андерсоном, с пистолетом, направленным в его грудь. Джульетта тогда сильно испугалась – до ужаса – того, что натворила, едва могла говорить. Выглядела так, будто затерялась где-то внутри себя, будто нашла в голове комнатку и там заперлась. Потребовалось время, чтобы убедить ее вернуться.

В тот раз она даже не убила никого.

Я пытаюсь оживить в ней хоть какое-то чувство, умоляю ее прийти в себя, обратиться к разуму.

– Знаю, дерьма сейчас немерено, Джей, но не думай об этом! Очнись! Выбрось из головы! Надо уносить ноги!

Она и бровью не ведет.

– Принцесса, пожалуйста. – Я тихонько ее трясусь. – Нам надо уходить... быстрее...

Она никак не реагирует, даже не шевелится, и я понимаю: у меня нет выбора, надо ее вести. Тяну ее назад. Безвольное тело тяжелее, чем я ожидал, она издает тихий всхлипывающий звук, похожий на рыдание. Мои нервы от страха натянуты до предела. Киваю Каслу и остальным, чтобы уносили отсюда ноги без меня, оглядываюсь вокруг в поисках Уорнера, и до меня доходит, что его нигде нет.

То, что случилось потом, просто выбивает из меня остатки кислорода.

По комнате пробегает рябь. У меня темнеет в глазах, проясняется, вновь темнеет – только на сей раз по бокам.

Что за чертовщина!

А потом, внезапно...

Джульетта пропадает.

Пропадает. В самом деле. Просто исчезает. Вот она в моих объятиях, а в следующую секунду – мои руки сжимают пустоту. Я хлопаю глазами, наверное сошел с ума, оглядываюсь по сторонам и вижу: в аудитории все начинают шевелиться. Рубашки порваны, лица поцарапаны, однако никто не умер. Напротив, ничего не понимающие, они все начинают вставать и окружать нас. Кто-то сильно меня толкает. Я смотрю. Иан орет на меня, требует, чтобы я шевелил конечностями, пока есть шанс; я его отталкиваю, кричу, что мы потеряли Джульетту, что я не вижу Уорнера. Иан не реагирует, выпихивает меня вперед, вниз со сцены. Я слышу, как ропот толпы переходит в рев, и понимаю – выбора у меня нет.

Надо бежать.

Одолей меня

Кенджи

Она кричит.

Кажется, выкрикивает слова. Да, слова. И она их кричит, кричит яростно, во всю мощь своих легких. И... я не верю глазам – она будто... взрывается, сея вокруг разрушения.

Все происходящее похоже на сон.

Конечно, я знал о силе Джульетты – и знал, что мы не до конца ее исследовали, – однако и представить не мог, что она способна на такое.

Вот такое:

По потолку змеятся трещины. Сильнейшие толчки сотрясают стены и пол, даже зубы. Под ногами все вибрирует. Люди от потрясения застыли на месте, помещение ходит ходуном. Раскачиваются люстры, свет зловеще мигает. Новый толчок, и три массивные люстры отделяются от потолка и при ударе об пол разбиваются вдребезги.

Хрусталь брызжет во все стороны. Воцаряется полумрак, и трудно что-либо разглядеть. Я смотрю на Джульетту, она застыла с открытым ртом в ужасе от вида разрушений. Я понимаю: она уже молчит. Однако не в силах ничего остановить. Выпустила энергию на волю и теперь...

Та не может бесследно исчезнуть.

Дрожь с новой силой раскалывает пол, разрушает стены, сиденья и людей.

Глазам своим не верю, пока не вижу кровь. Долю секунды все кажется обманом – искалеченные тела с развороченными грудными клетками, подобно раскрытым крыльям бабочки. Все кажется розыгрышем, похожим на дурацкую шутку, на неудачную театральную постановку. Когда же кровь, густая, вязкая, просачивается сквозь одежду и обивку кресел, капает с застывших пальцев, я осознаю: от этого ужаса мы не оправимся никогда.

Джульетта только что одним махом убила шесть сотен человек.

Этот кошмар будет преследовать нас всю жизнь.

Я протискиваюсь сквозь застывшую группу ошеломленных, затаивших дыхание друзей. Слышу непрерывное хныканье Уинстона и спокойные, ободряющие слова Брендана о том, что рана не так страшна, как выглядит, что с ним все будет в порядке, что бывало и хуже, и он выжил...

А моя первоочередная задача – быть рядом с Джульеттой.

Добираюсь до нее, обнимаю, она не замечает; это напоминает мне тот момент, когда я нашел ее, стоящую над Андерсоном, с пистолетом, направленным в его грудь. Джульетта тогда сильно испугалась – до ужаса – того, что натворила, едва могла говорить. Выглядела так, будто затерялась где-то внутри себя, будто нашла в голове комнатку и там заперлась. Потребовалось время, чтобы убедить ее вернуться.

В тот раз она даже не убила никого.

Я пытаюсь оживить в ней хоть какое-то чувство, умоляю ее прийти в себя, обратиться к разуму.

– Знаю, дерьма сейчас немерено, Джей, но не думай об этом! Очнись! Выбрось из головы! Надо уносить ноги!

Она и бровью не ведет.

– Принцесса, пожалуйста. – Я тихонько ее трясусь. – Нам надо уходить... быстрее...

Она никак не реагирует, даже не шевелится, и я понимаю: у меня нет выбора, надо ее вести. Тяну ее назад. Безвольное тело тяжелее, чем я ожидал, она издает тихий всхлипываю-

щий звук, похожий на рыдание. Мои нервы от страха натянуты до предела. Киваю Каслу и остальным, чтобы ноги отсюда уносили без меня, оглядываюсь вокруг в поисках Уорнера, и до меня доходит, что его нигде нет.

То, что случилось потом, просто выбивает из меня остатки кислорода.

По комнате пробегает рябь. У меня темнеет в глазах, проясняется, вновь темнеет – только на сей раз по бокам.

Что за чертовщина!

А потом, внезапно...

Джувьетта пропадает.

Пропадает. В самом деле. Просто исчезает. Вот она в моих объятиях, а в следующую секунду – мои руки сжимают пустоту. Я хлопаю глазами, наверное сошел с ума, оглядываюсь по сторонам и вижу: в аудитории все начинают шевелиться. Рубашки порваны, лица поцарапаны, однако никто не умер. Напротив, ничего не понимающие, они все начинают вставать и окружать нас. Кто-то сильно меня толкает. Я смотрю. Иан орет на меня, требует, чтобы я шевелил конечностями, пока есть шанс; я его отталкиваю, кричу, что мы потеряли Джувьетту, что я не вижу Уорнера. Иан не реагирует, выпихивает меня вперед, вниз со сцены. Я слышу, как ропот толпы переходит в рев, и понимаю – выбора у меня нет.

Надо бежать.

Уорнер

– Я его убью, – повторяет она, сжимая кулаки. – Я его убью...
– Элла, не будь дуручкой, – говорю я и собираюсь уходить.
– Когда-нибудь, слышишь! – Она догоняет меня, ее глаза блестят от слез. – Если он не перестанет тебя бить, клянусь, я его убью. Вот увидишь.

– Ха-ха-ха!

– Не смешно!

Я оборачиваюсь.

– Никто не может убить моего отца. Он неубиваемый.

– Неубиваемых нет!

Не отвечаю.

– Почему твоя мама ничего не делает? – Хватает меня за руку.

Я встречаюсь с ней взглядом, она сильно испугана.

– Почему его никто не остановит?

Раны на моей спине уже затянулись, но иногда болят. Элла – единственная, кто знает об этих ирамах, знает, что начал творить папа в мой день рождения два года назад. В прошлом году, когда семьи всех главнокомандующих приехали к нам с визитами, она заскочила ко мне в комнату, узнать, куда подевались Эммелина и Назира, и застала меня в тот момент, когда я разглядывал в зеркале свою спину.

Я просил ее молчать о том, что она видела, а она давай плакать и твердить, что надо кому-нибудь рассказать, что она скажет своей маме. А я ответил:

– Если ты скажешь маме, то мне еще больше достанется. Пожалуйста, не говори ладно? Он больше не будет.

Но он опять это сделал.

Только теперь он стал злее. Заявил, что мне семь лет и я уже большой, чтобы плакать.

– Мы должны что-то придумать. – Ее голос слегка дрожит. Еще одна слезинка скользит по щеке, она быстро ее стирает. – Надо кому-нибудь рассказать.

– Хватит! Не хочу больше об этом говорить.

– Но...

– Элла, оставь.

– Нет, мы должны...

– Элла. – Я ее прерываю. – Боюсь, с моей мамой что-то не так.

Ее лицо вытягивается. Гнев затихает.

– Что?

Я очень долго боялся произнести это вслух, высказать свой страх. Мое сердце колотится.

– О чем ты? Что с ней не так?

– Она... боится.

Элла удивлена. Смущена.

– Если она боится, мы можем ее вылечить. Мои мама и папа смогут ее вылечить. Они такие умные; они могут все. Они ее вылечат.

Я трясусь головой, мое сердце несется вскачь, стучит у меня в ушах.

– Нет, Элла, ты не понимаешь... По-моему...

– Что? – Она берет мою руку. Сжимает. – Ну?

– По-моему, мой отец ее убивает.

Кенджи

Мы отступаем.

База недалеко, самое лучшее – добраться до нее пешком. Едва мы оказываемся на открытом пространстве, как вся наша группа – я, Касл, Уинстон, раненый Брендан, Иан и Алиа – становится невидимой. Кто-то беззвучно шепчет мне «спасибо», только я тут совсем ни при чем.

У меня сжимаются кулаки.

Назира.

Всего за пару дней она вскружила мне голову. Не следовало ей доверять. Сначала она меня ненавидит, затем ненавидит еще больше, потом с чего-то решает, что я не засранец, и хочет со мной подружиться. Не могу поверить, что запал на нее. Не могу поверить, что я такой идиот. Она же все время со мной играла. Возникла из ниоткуда, скопировала мою суперспособность, а следом – прямо тогда, когда она набилась Джульетте в подружки, – нам на симпозиуме устраивают засаду, и Джульетта вроде как убивает шесть сотен человек.

Не может такого быть. Чушь собачья!

Не может это быть простым совпадением.

Джульетта пошла на симпозиум потому, что Назира поддержала ее. Она убедила Джульетту, что так будет правильно. И за пять секунд до того, как Брендан получает пулю, Назира советует мне бежать. Сообщает, видите ли, что у нас с ней похожие суперспособности.

Вот дерьмо!

А я, балбес, повелся на хорошенькое личико. Надо было поверить Уорнеру: ведь говорил же он, что Назира скрытничает.

Уорнер.

Господи. Я даже не знаю, что с ним.

В ту минуту, когда мы добираемся до базы, невидимость исчезает. Не уверен, значит ли это, что Назира пошла своим путем, однако медлить, чтобы разобраться, мы не можем. Заново создаю над нашей группой слой невидимости; нужно продержаться, пока мы не попадем в безопасное место; вернуться на базу – это еще полдела. Солдаты начнут расспрашивать, а у меня нет ответов.

Они будут в ярости.

Мы всей группой пробираемся на пятнадцатый этаж, в наш дом на базе Сектора 45. Уорнер только-только закончил переделку всего этажа, полностью его расчистил для нашей новой штаб-квартиры, мы только перебрались, – как случилось все это дерьмо. Не буду пока думать об этом, не сейчас.

Иначе мне станет плохо.

Сразу же, как только мы собрались в общей комнате, пересчитываю всех по головам. Оставшиеся в живых члены «Омеги пойнт» – все тут. Появились Адам и Джеймс – узнать, что случилось; Соня и Сара здесь пробыли ровно столько времени, чтобы услышать новости, а затем отвели Брендана в медицинское крыло. Уинстон исчез вслед за ними.

Джульетты и Уорнера нет.

Быстро обмениваемся версиями произошедшего. Вскоре убеждаемся, что все видели практически одно и то же: трупы, кровь, хаос и после – менее кровавое завершение. Кажется, никто не удивляется лихо закрученному повороту событий так, как я. Потому что, по словам Иана: «Здесь все время творится черт-те что, это не странно». Только вот удивительно...

Никто не видел, что случилось с Уорнером и Джульеттой.

Никто, кроме меня.

Несколько секунд мы молча смотрим друг на друга. Сердце бешено колотится. Я весь будто в огне, горю от негодования.

Не может быть!

Первой начинает говорить Алия:

– Как вы думаете: они мертвы?

– Возможно, – отвечает Иан.

Я вскакиваю на ноги.

– СТОП! Они не мертвы.

– Почему ты так уверен? – спрашивает Адам.

– Я знал бы, если бы они были мертвы.

– Что? Каким обр...

– Я просто знал бы, ясно? – прерываю его. – Я знал бы. Они не мертвы. – Делаю долгий успокаивающий вдох. – Мы не будем психовать, – произношу как можно спокойнее. – Всему должно быть логическое объяснение. Люди просто так не *исчезают*, правильно?

Все таращатся на меня.

– Вы знаете, что я имею в виду, – злюсь я. – Мы все знаем, что Джульетта и Уорнер не могли сбежать вместе. До симпозиума они никак не могли бы договориться. Значит, делаем вывод: они похищены. – Я замолкаю. Оглядываюсь вокруг. – Правильно?

– Или мертвы, – снова Иан.

– Еще раз скажешь, Санчес, и я обещаю, что сегодня ночью кто-то точно станет мертвым.

Иан тяжело вздыхает.

– Послушай, я не говорю тебе назло. Дело в том, что ты с ними сблизился, а нам, остальным, они не были так близки. Поэтому я могу на все это посмотреть со стороны, трезво оценить обстановку.

Он ожидает, что я буду возражать.

Я молчу.

Иан снова вздыхает.

– Я просто советую тебе отбросить сейчас эмоции и спокойно все обсудить. Я понимаю, ты не хочешь согласиться с тем, что они мертвы, но вероятность того, что они мертвы, очень высока. Уорнер предал Оздоровление. Я удивлен, что они не попытались убить его раньше. И Джульетту – я полагаю, это очевидно, так? Она убила Андерсона и провозгласила себя правителем Северной Америки. – Он знакомым движением приподнимает брови. – Эти двое уже давно на своих спинах носили мишени.

Мои челюсти сжимаются. Разжимаются. Вновь сжимаются.

– Итак, – тихо продолжает Иан. – Сейчас надо действовать умно. Мертвы они или нет, мы должны продумать наши дальнейшие действия. Куда нам двигаться?

– погоди! Ты о чем? – Адам подается вперед. – Какие дальнейшие действия? Ты считаешь, мы должны бежать?

– Без Уорнера и Джульетты, думаю, здесь опасно оставаться. – Лили берет Иана за руку в знак солидарности, меня это бесит. – Солдаты были верны им двоим – особенно Джульетте. Не уверена, что без нее они последуют за нами.

– И очевидно, что, если Оздоровление убило Джульетту, – добавляет Иан, – это только начало. Они в любую минуту придут уничтожить весь Сорок пятый сектор. В первую очередь надо разобраться, что лучше для нашего выживания. Так как мы, очевидно, следующие, я полагаю, нам надо уходить. Срочно. – Пауза. – Может, даже сегодня ночью.

– Ты сошел с ума, брат? – Я тяжело падаю в кресло, сдерживая крик. – Мы не можем сбежать. Надо их искать. Надо прямо сейчас придумать план спасения.

Все смотрят на меня. Будто я сошел с ума.

– Касл, сэр? – Пытаюсь смягчить резкие нотки в голосе, однако у меня не получается. – Вы ничего не хотите сказать?

Касл утонул в своем кресле. Смотрит вверх, на потолок, в никуда. Он явно в прострации. У меня нет никакого шанса достучаться до него.

– Кенджи, – мягко произносит Алия. – Прости, но Иан прав. Я не думаю, что здесь мы в безопасности.

– Мы остаемся. – Адам и я говорим в один голос.

Удивленный, я оборачиваюсь. Во мне вспыхивает надежда. Может, Адам еще что-то чувствует к Джульетте? Может, Адам нас еще удивит? Может, наконец-то он перестанет прятаться, скрываться в тылу? Может, как мне думается, Адам возвращается?

– Благодарю тебя.

Я указываю на него рукой, как бы говоря остальным: *Видите? Вот это верность!*

– Мы с Джеймсом никуда не пойдем. – Взгляд Адама делается суровым. – Я понимаю, что надо уходить, но мы остаемся здесь. Я был солдатом Сорок пятого сектора. Я жил на этой базе. Скорее всего, меня они не тронут.

Я хмурюсь.

– Но...

– Мы остаемся, – повторяет Адам. Громко. Решительно. – Вы можете строить свои планы без нас. В любом случае мы уходим спать. – Адам встает, поворачивается к брату. – Пора идти в кровать.

Джеймс рассматривает пол.

– Джеймс! – окликает его Адам.

– Я хочу остаться и послушать. – Джеймс скрещивает руки на груди. – Можешь сам идти и спать.

– Джеймс...

– Кроме того, у меня есть теория, – заявляет десятилетний мальчуган. Он произносит слово «теория» как что-то совершенно новое для себя, как интересное звуко сочетание. – И я хочу поделиться ею с Кенджи.

Адам взвинчен, вижу это по его напряженным плечам. Все-таки я мало уделял ему внимания, теперь я понимаю, что он не просто устал. Он выглядит измученным. Похоже, может сломаться, треснуть пополам в любую минуту.

Джеймс через всю комнату ловит мой взгляд, он ждет ответа.

Я вздыхаю.

– Что за теория, парень?

Лицо Джеймса просветлело.

– Я тут подумал: может, все эти убийства понарошку – просто чтобы отвлечь внимание.

Я приподнимаю бровь.

– Ну, если кто-то хотел похитить Уорнера и Джульетту, – объясняет Джеймс. – Понимаешь? Ты сам только что сказал. Лучше и не придумать, правда?

– Ну да. – Я все еще не понимаю. – Допустим. Но зачем Оздоровлению что-то придумывать? Когда это они скрывали свои намерения? Если, например, они решили забрать Джульетту или Уорнера, то пригнали бы хренову тучу солдат, да и дело с концом.

– Следи за языком, – рычит Адам.

– Виноват. Вычеркни «хренову» из протокола.

Адам качает головой. Готов задушить меня. А Джеймс смеется, вот что самое главное.

– Нет. Не думаю, что они бы бросили сюда столько солдат, – возражает Джеймс, блестя голубыми глазами. – Нет, если им есть что скрывать.

– Ты думаешь, им есть что скрывать? – Лили говорит резко. – От нас?

– Не знаю, люди иногда что-то скрывают.

Джеймс украдкой глядит на Адама так, что мое сердце от страха пускается вскачь, и я хочу ответить, однако Лили опережает меня.

– Согласна. Может быть. Но Оздоровление никогда не искало повода. Да и общественное мнение перестало их волновать уже очень давно. Они уничтожали людей на улице просто потому, что так надо. Не думаю, что их бы заботило что-то скрывать от нас.

Касл расхохотался так громко, что мы все резко обернулись и взглянули на него. Мне стало легче оттого, что он пришел в себя, хотя, видимо, рассудок он потерял. Касл выглядел злым. Таким злым я никогда его не видел.

– Им есть что скрывать от нас, – решительно выдает он. – Да и друг от друга. – Глубоко вдохнув, Касл наконец встает на ноги. Улыбается десятилетнему мальчику: – Джеймс, а ты умен не по годам.

– Спасибо, – говорит Джеймс, моргая.

– Касл, сэр. – Мой голос звучит намного резче, чем хотелось бы. – Объясните нам, что все-таки здесь происходит? Вы что-то знаете?

Касл вздыхает. Трет ладонью небритый подбородок.

– Хорошо, Назира, – произносит он в никуда, словно разговаривает с призраком. – Твой выход.

Когда появляется Назира, будто сотканная из воздуха, я не единственный, кто злится. Ладно, наверное я единственный, кто злится.

Тем не менее каждый выглядит удивленным.

Все смотрят на нее, друг на друга, а потом все они – все – поворачиваются ко мне.

– Брат, ты знал об этом? – спрашивает Иан.

Я сердито молчу.

Невидимость – моя фишка. Моя, черт возьми.

Никто и не просил меня, чтобы я поделился этим хоть с кем-нибудь. Тем более с таким как Назира, лживым, манипулирующим...

Великолепным. Великолепным человеком.

Черт!

Я отворачиваюсь, плююсь на стенку. Я не могу больше отвлекаться на Назиру. Она знает, что я запал на нее – моя страсть, по всей видимости, заметна любому в радиусе десяти миль, если верить Каслу, – и Назира, ясное дело, использует мой идиотизм в своих целях.

Умно. Хорошая тактика.

Что, впрочем, означает также, что мне следует быть во всеоружии, когда она рядом. Больше не пялиться. Больше не грезить о ней днями напролет. Больше не думать о том, как она, лукаво улыбаясь, смотрит на меня. Или как она смеется, или как в тот вечер кричала на меня за то, что я удивился, увидев ее без шарфа, закрывающего волосы. И кстати...

С чего я вдруг решил, что знаю о ней все?

Назира вынудила меня спросить, как она может безнаказанно покрывать голову и явно нарушать закон – она же дочь Верховного главнокомандующего, – а потом еще имела наглость вогнать меня в краску, показав свои волосы.

Я по-прежнему смущаюсь.

Она и теперь не прячет волосы, однако никто, кажется, этого не замечает. Может, они уже видели ее с непокрытой головой? Может, все, не только я, уже болтали с ней, уже слышали ее историю о том, что она время от времени носит на голове шарф, чисто символически?

Нарушает закон, когда папочка не видит.

– Кенджи! – Назира говорит так резко, что вынуждает меня посмотреть на нее, вопреки моему окончательному и бесповоротному решению пялиться в стенку. Две секунды – глаза в глаза – и мое сердце сдается.

Эти губы. Эти глаза.

– Ну? – Скрещиваю руки на груди.

Она явно удивлена, похоже, не ожидала, что я разозлюсь, а мне плевать. Она должна знать, что я в гневе. Я хочу, чтобы она знала: невидимость – это мое. Да, я – мелочный, и плевать. Плюс я ей не доверяю. Как так получилось, что дети Верховных главнокомандующих – все как на подбор красавчики? Как будто специально. В пробирках, что ли, выращивали.

Я трясую головой, пытаюсь выбросить из нее все мысли.

Назира заботливо предлагает:

– Думаю, тебе лучше сесть.

– Мне и так хорошо.

Она хмурится. Видно, что огорчена, но прежде чем я осознаю свою вину, пожимает плечами. Отворачивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.